Советская Калмыкия сегодня

Газета социальной защиты

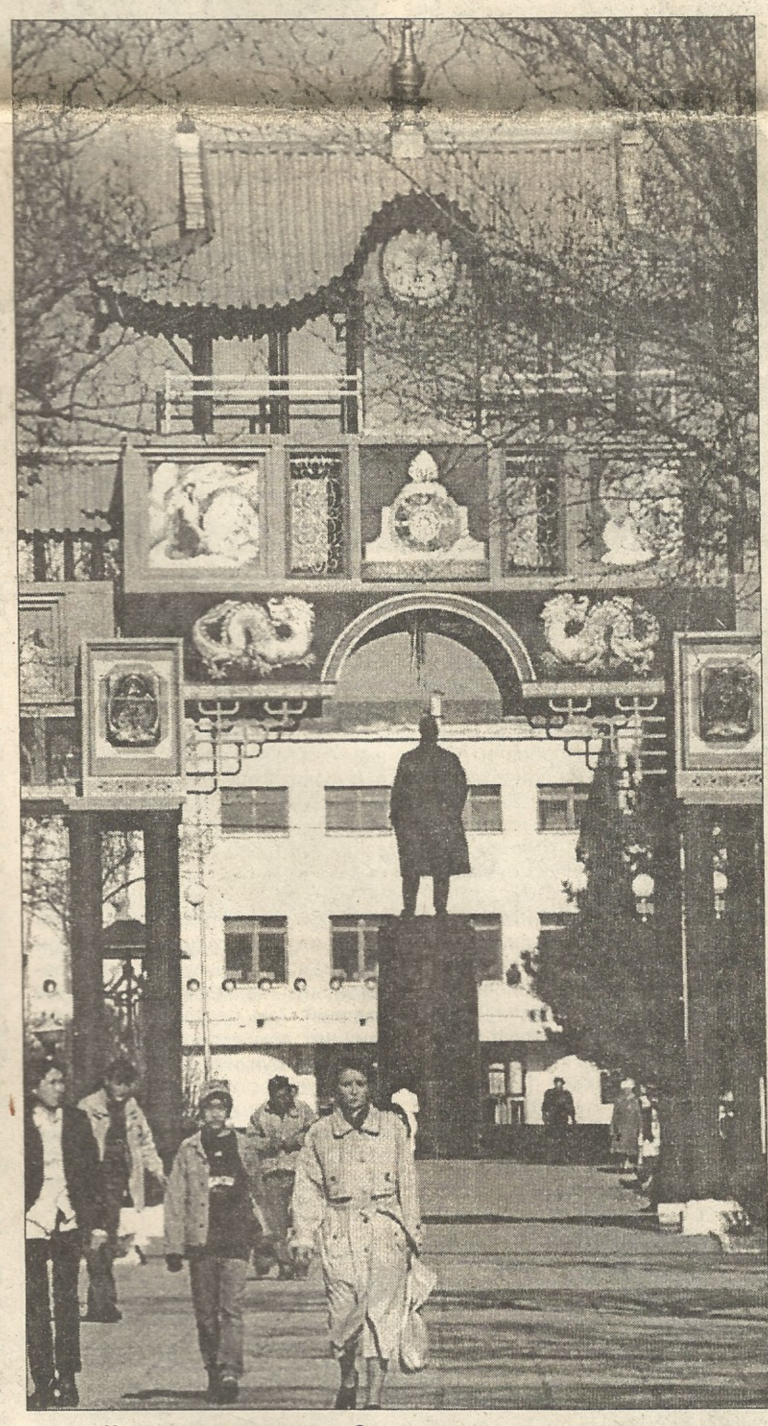
№7 (54)

21 апреля 1999 года

Чтобы покончить с Калмыкией, не надо высылать народ, достаточно уничтожить скотоводство

стр. 2

В НОМЕРЕ:

Что вызывает в центре Элисты искреннее изумление — это невероятное сочетание двух символик: советской и буддистской. И это полностью соответствует сегодняшней ситуации в республике

Кому и зачем нужна газета Юдиной

Президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов претендует на роль личности сверхцивилизованной, политика XXI века, деятеля, строящего культурные мосты между своей республикой и всем остальным миром.

И некоторые внешние атрибуты этой цивилизованности действительно налицо. Шутка ли — в одном только прошлом году побывал в сорока странах, о чем с гордостью сообщает журналистам (интересно, находился ли он хотя бы 40 дней в году в возглавляемой республике?). Особая гордость Кирсана — его «дружеские» связи с Папой Римским, Патриархом Московским и всея Руси, Далай-Ламой XIV, не говоря уже о сильных мира сего, заправляющих бизнесом, политикой, спортом и прочим.

Но вот вопрос президенту на засыпку: насколько цивилизованным является отсутствие в республике оппозиции, вернее, планомерное ее уничтожение политическими и экономическими методами? Физически уничтожена одна только Лариса Юдина, а политический характер ее убийства был очевиден уже в день трагедии 10 июня 1998 года. «Советская Калмыкия», которая делалась руками Юдиной, была единственной в республике оппозиционной газетой. Лариса задавала вопросы о сомнительных проектах, реализуемых на сомнительного происхождения деньги, о хищениях в республике огромных федеральных средств.

Могли ли нравиться президенту и его окружению такие публикации — вопрос риторический. Зато как хорошо сейчас: что ни публикация в местных СМИ, то свидетельство бурного развития рыночных процессов, реализации экономической реформы. Но вот апофеоз: уже за месяц до очередного дня рождения Илюмжинова газеты запестрели поздравлениями. И ладно бы какой юбилей — 37 лет исполняется. Стремясь опередить друг друга, изливают свою любовь к хозяину коллектив министерства финансов, сотрудники уголовно-исполнительной системы министерства юстиции по Калмыкии, госкомстат, противопожарная служба, таможня... Покойный Леонид Ильич, наверное, в гробу перевернулся от зависти.

Как следствие «волеизъявления народа» — появляется Указ президента Калмыкии об объявлении своего дня рождения выходным днем в республике. Западные цивилизации отдыхают.

Но не все так спокойно в Багдаде, как может показаться на первый взгляд. Оппозиция никуда не делась. Не только официальная — «яблочники» и коммунисты. Но и стихийная. Та, которая хватала нас за рукав на рынке и просила написать о том, как Кирсан «кинул» строителей Сити Чесс, не заплатив за работу до сих пор, спустя полгода. Та, которая в совхозе жаловалась на то, что не видела зарплаты уже несколько лет. Та, которая уже начинает сомневаться в том, что убийцы Юдиной (им в очередной раз продлили срок содержания под стражей до 10 июня), а главное, заказчики преступления получат по заслугам.

Чтобы обо всем этом рассказывать открыто и без страха за последствия публикаций, и нужна газета Юдиной. И нужна эта газета, как нам кажется, не столько Союзу журналистов России, призывающему каждые две недели «под ружье» бригады корреспондентов из самых разных российских изданий, не ставропольцам, печатающим газету у себя из-за запрета ее издания в Элисте. Она нужна прежде всего самим калмыкам. Цивилизованное общество не может существовать без оппозиции, без открытого, бесцензурного слова.

Общее дело

Несколько лет назад «Вечерняя Москва» пригласила в редакцию на встречу с журналистским коллективом президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова. Как всякий эпатажный лидер, он был нам интересен. Разговор, надо признать, получился веселый. Опубликовали отчет о встрече. И тут последовал шквал звонков от московских калмыков, от элистинской оппозиции. Сколько было негодования: как вы могли напечатать весь этот бред авантюриста; приезжайте в республику — посмотрите, как он развалил все хозяйство!

Мы пообещали, да только долго не могли сдержать слово.

И вот случай. По командировке Союза журналистов мы выехали собирать материал для очередного номера газеты «Советская Калмыкия сегодня».

Журналистский десант «Вечерней Москвы» в Элисте:

Юрий Айдинов

Алексей Песков

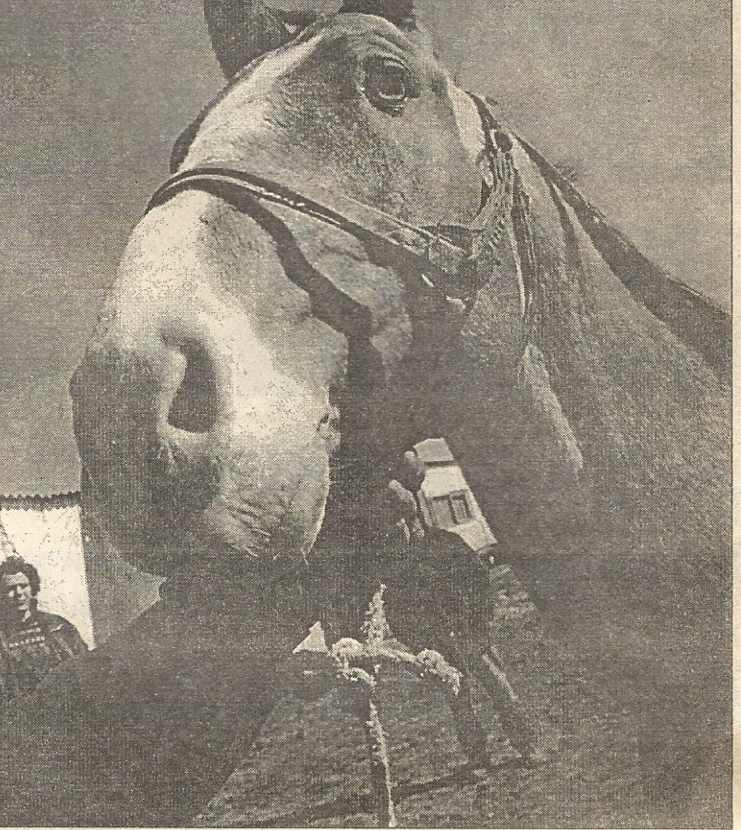
Владимир Тучков

Валерий Чаава

ДЕРЕВЯННЫЕ ЛОШАДИ НА ЧЕРНО-БЕЛЫХ КЛЕТКАХ

Чтобы покончить с Калмыкией, не надо высылать народ, достаточно уничтожить скотоводство

Когда около двадцати пяти лет назад на основе нескольких совхозов, в том числе совхоза № 108 и совхоза № 4, создавался Ики-Бурульский район, никто не мог даже предполагать, что по прошествии менее чем трех десятков лет положение здесь станет отчаянно критическим.

Говорят, что в капле воды отражается море. Так и по состоянию дел в одном районе можно судить о том, что происходит в республике в целом. Тем более что недавним решением правительства район признан пилотным. То есть тем, на котором будет отрабатываться «оптимальная технология преобразований сельхозпредприятий, создания в хозяйствах реальных собственников земли и имущества». На недавно прошедшем семинаре «Особенности реформирования неплатежеспособных сельхозпредприятий Ики-Бурульского района» представитель президента в районе Александр Годин привел цифры катастрофического состояния дел в здешних хозяйствах. Если еще три года назад тут насчитывалось 9123 головы крупного рогатого скота, то на начало нынешнего года общественное стадо составило менее трети от той цифры — 2635 голов. Еще более разительное падение поголовья в овцеводстве — было более 75 тысяч, а осталось 16 324. Общий объем валовой продукции сельского хозяйства за два последних года снизился почти в два с половиной раза, а производительность труда упала аж в четыре раза. Иллюстрируя эту цифру, можно сказать, что то, с чем еще два года назад справлялся один человек, сегодня делают четверо. Странный, если не сказать больше, «принцип коллективного хозяйства».

На совещании отмечалась и крайне низкая продуктивность выращиваемого в районе скота. Средний вес одной головы крупного рогатого скота, реализуемой на убой, в минувшем году составил всего 211 килограммов, а овцы — 31. Совершенно очевидно, что в силу всех этих причин себестоимость продукции неуклонно растет. Затраты на производство баранины за три года возросли в два раза, а говядины в полтора.

Вышеприведенные официальные цифры, казалось бы, и не нуждаются в комментариях, поскольку бьют сильнее, чем сотни слов, составленных в гладкие, логически выстроенные предложения. Но тем не менее мы попросили прокомментировать создавшееся в районе и в республике положение Владимира Павловича Дорджиева. Ведь именно он первым возглавил Ики-Бурульский район тридцать лет тому назад, в момент его создания, а позже занимал должность министра сельского хозяйства республики.

— Тогда, в середине шестидесятых, один только совхоз номер сто восемь держал до семидесяти тысяч овец, а в обороте было до сотни тысяч. Совхоз имел около восьми тысяч голов крупного рогатого скота, около девятисот лошадей, более ста основных свиноматок. Тридцать пять тысяч гектаров пашни в обработке. Если же говорить о районе в целом, то поголовье овец составляло двести тысяч. Сорок процентов того, что сейчас имеется во всей республике.

— Кстати, Владимир Павлович, а каково было поголовье скота в республике в лучшие годы?

— Одних овец — три с половиной миллиона. Триста пятьдесят тысяч голов крупного рогатого скота. Свиней более ста тысяч.

— Ну а сейчас, по вашим оценкам, каково положение в республике?

— Ответ прост: если поголовье овец упало по крайней мере в семь раз — о каком «положении» вообще может идти речь! Это национальная катастрофа. Мы утратили все, что имели. Все, чем жила республика, и в прямом и в переносном смысле пущено по ветру, поскольку на пастбищах, где когда-то паслись стада овец, ныне только этот самый ветер и гуляет.

— А чем вы как специалист объясняете причины возникшей ситуации?

— Мы утратили все. Вы были на нашем рынке. Мясо видели?

— Да, был и видел.

— Так вот, скоро не увидите. Дело дойдет до того, что в Калмыкию мясо придется завозить из других регионов. Если найдется на что завозить. А главные причины создавшегося положения — некомпетентное, безобразное отношение властей к важнейшей отрасли хозяйства республики. Разрушена технология, с ног на голову перевернуто все. То, что не уничтожено, разворовано всевозможными посредниками и посредниками между посредниками, и так до бесконечности. Ведь все эти «АРиСы», чей главный офис недавно «по случайному совпадению» сгорел в Москве, торговые дома «Агро», продовольственные корпорации, ГУП «Агрофинанс» только и занимались тем, что откачивали на себя деньги, выделяемые для поддержания сельского хозяйства республики. Деньги уходили, как в песок, в тот самый песок, что разносит ветер по нашим степям. Мы перешли, как говорят летчики, «точку возврата». То есть оказались за той отметкой, откуда самим нам уже не выбраться.

— Если я вас правильно понял, вы хотите сказать, что при нынешнем положении вещей катастрофа неминуема.

— Я именно это и хочу сказать. В пятьдесят седьмом году у нас было миллион двести тысяч голов овец. Через десять лет поголовье увеличилось вдвое, но при этом нам помогала вся страна, потому что тогда понимали: Калмыкия и мясо будет отдавать всей стране. Сейчас у нас всего около полумиллиона голов овец. Из них только двести—двести пятьдесят тысяч овцематок. Так вот, чтобы вернуться к положению, которое существовало еще десять лет назад, нам без помощи извне понадобится лет сорок. И это при том условии, что мы практически ничего не будем вывозить из республики, да и сами ничего потреблять не станем и треть бюджета республики отдадим на эти цели. В одном только Ики-Бурульском районе кредиторская задолженность хозяйств составляет около ста десяти миллионов рублей. Кто эти долги будет выплачивать? Крестьяне, которые по пять-шесть лет не получали зарплаты?! Но ведь это еще не вся беда. В республике срабатывает «принцип домино». Почти вся наша промышленность была завязана на сельское хозяйство. А раз нет животноводства — нет и промышленности. Заводы стоят. Я уж не говорю об анекдотичных случаях вроде построенного завода мониторов, на котором собрали один или три монитора из привезенных деталей, и он встал...

Когда-то здесь была молочная ферма

...Услышав все это, мы подумали о том, что в сорок третьем году Сталину не было необходимости высылать калмыков в Сибирь. Достаточно было уничтожить скотоводство, и добрый, трудолюбивый степной народ сам бы вымер. К счастью, Сталину в голову эта мысль не пришла... «Принцип домино», о котором упомянул Дорджиев, действительно сработал в республике до конца. Последней легла «пусто-пусто». И все-таки цепочку стоило проследить до конца. Поэтому и попросили ответить на несколько вопросов бывшего директора элистинского мясокомбината Александра Ивановича Леджинова.

— Александр Иванович, а ведь знаменитую на весь Союз тушенку в высоких металлических банках, которой питалась вся армия и за которой выстаивали очереди хозяйки, тоже производили в Калмыкии.

— Да-да. Именно здесь ее и делали. Да разве только ее? К девяносто второму году наш элистинский комбинат выпускал около семидесяти наименований мясных изделий. Мы поставили итальянский цех, вакуумную линию по упаковке продукции. Одним словом, товар давали отменного качества. Готовились запустить цех ферментно-эндокринного сырья, столь необходимого нашей фармакологической продукции...

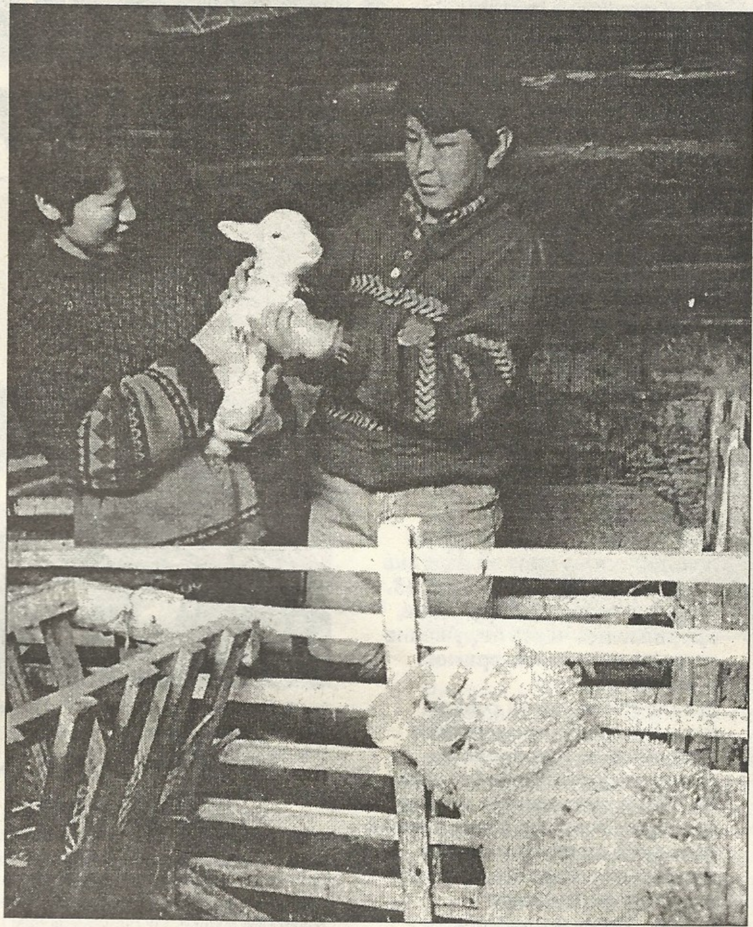
— И в одночасье все рухнуло?

— Не в одночасье, но со сменой власти в республике стали твориться непонятные вещи. Без предоплаты для одной московской фирмы мы отдали мяса на четыре миллиарда рублей под гарантии нашего правительства. Но гарантий так никто и не выполнил, и мы сразу оказались глубокими должниками. Тот самый цех ферментно-эндокринного сырья передали — только не падайте со стула — артистической футбольной команде «СТАРКО». В другом случае с нами под гарантии Минфина РФ рассчитались векселями компании «Агрофинанс», а когда пришло время рассчитываться по счетам, мы с каждого рубля получили всего по сорок две копейки. В конце концов эта фирма вообще растворилась, а ее офис в Москве исчез. Так что при случае передайте от меня привет зампремьера Кулику. Картина ясная?

В Элисте приходилось слышать рассуждения о том, что три с половиной миллиона голов овец — многовато для кормовой базы республики. Что цифра эта во многом вызвана советской показухой, и даже корма приходилось завозить из других регионов. Вполне возможно, что нечто подобное имело место. Но в таком случае, если считать сегодняшнюю цифру в полмиллиона голов овец нормальной для республики, получается, что в те годы в республику завозили — вспомните школьную арифметику — четыре пятых всех кормов! Конечно, коммунисты любили показуху, гром фанфар, но все-таки не до такой бредовой степени!

Картина действительно ясная. Зато на окраине Элисты вырос Сити-Чесс — город шахмат. В школах шахматы преподают с первого класса. Никто не станет спорить — прекрасная, умнейшая игра. Но если дела и дальше пойдут так же, то скоро в Калмыкии вместе с овцами исчезнут и знаменитые ахалтекинцы, а по черно-белым квадратным клеткам будут ходить буквой «г» одни только деревянные лошади...

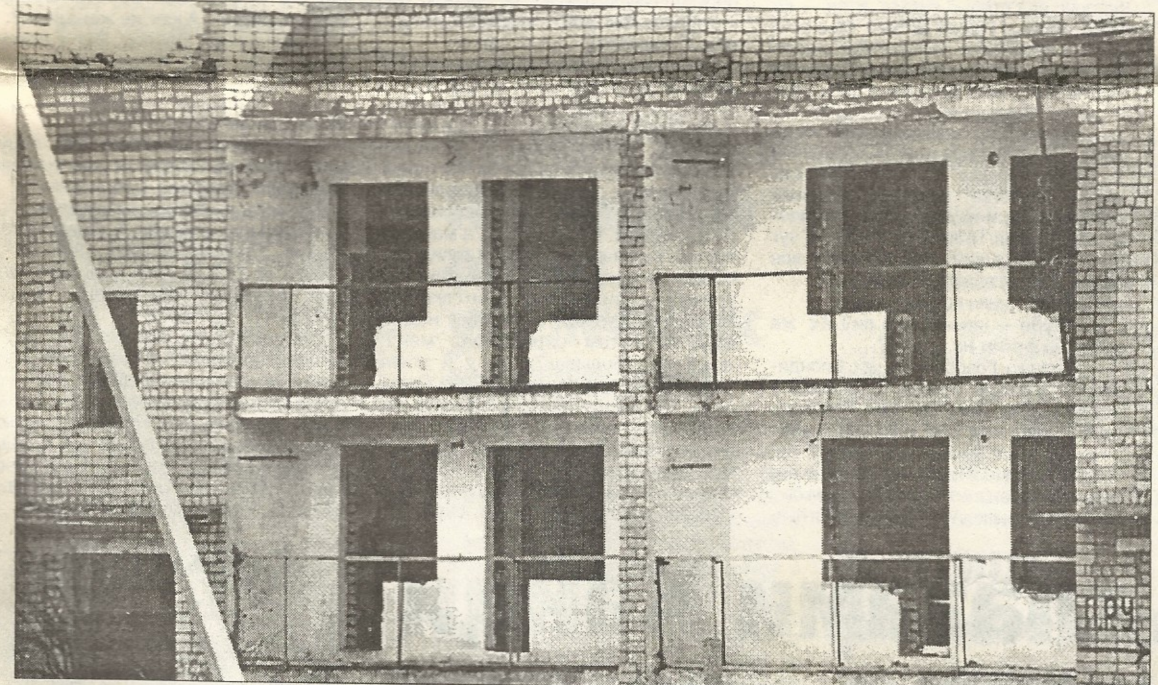

У Лены и Германа — горячая пора

АГРАРИИ ЖИВЫ ЧЕРНЫМ НАЛОМ, БАРТЕРОМ И ЭНТУЗИАЗМОМ

Судить о Калмыкии по одной лишь Элисте бессмысленно — молодой президент сделал из столицы своеобразную визитную карточку, оформив ее в лучших полиграфических традициях. Это не упрек, это констатация факта, ведь и по Москве нельзя составить объективное мнение о России... Но исследовать что-то за пределами калмыцкой столицы весьма проблематично, за исключением случаев, когда ты абсолютно неограничен в деньгах. Мы были ограничены, и максимум, что удалось, наугад ткнув в карту пальцем, выбрать точку в полусотне километрах от Элисты и рвануть туда.

Путь наш лежал на восток, по астраханской трассе до первого более или менее приличного по размерам поселка, и был это Улан-Эрге. Начинается поселок тоже визитной карточкой, только изрядно потрепанной — раньше на въезде стояли двухэтажные многоквартирные дома и войсковая часть, чистенькая и презентабельная. Очень органично въезжать сюда, предварительно посмотрев кадры новостей из Югославии: руины, руины.

Если считать, что крылатая ракета «Томагавк» стоит миллион долларов, то подобные разрушения обошлись не меньше, чем в пяток миллионов. Какие-то дома разнесены до основания, какие-то зияют пустыми оконными и дверными проемами... Нет, никто тут не воевал — просто отопление этих домов осуществлялось из единой котельной, а когда цены на топливо взлетели до небес, дома просто перестали обогревать. Жители вернулись в частные домовладения, которые в случае нужды можно отапливать и кизяком, а опустевшие хоромы были быстро раскурочены: вначале исчезла вся столярка, а потом дошла очередь и до разборки кирпичной кладки.

Впрочем, сказать что индивидуальные дома — сплошь коттеджи «новых калмыков», тоже нельзя. Народ потянулся в поисках работы в город, оставляя родные пенаты в разоренном виде. Такая же картина и на фермах — что просто брошено, что разметено до фундаментов. На картину «выжженной земли» хорошо накладывается статистика: сейчас в совхозе едва шесть тысяч овец, тогда как три года назад их было около пятнадцати тысяч, а на заре перестройки — тридцать пять... Баранов слопал бартер — за топливо и запчасти платили наличным мясом. Когда поскакали галопом цены на все и вся, в том числе и на ветеринарные вакцины, настало золотое время для перекупщиков-посредников. Только вот самим скотоводам от их стад оставались крохи. Овцы — главное местное богатство, но и крупный рогатый скот был в почете. Молочная ферма поставляла продукцию прямиком в Элисту, благо Улан-Эрге вполне можно считать пригородным совхозом. Ушло молочное стадо под нож, и на место бывших коровьих «общежитий» нельзя смотреть без слез. Прохаживаясь среди руин, ощущаешь себя на месте какой-то древней цивилизации — видно, что когда-то тут бурлила жизнь: мычали буренки, тарахтели тракторы, завывали доильные агрегаты и вообще — было, что украсть. От прежнего огромного хозяйства молочной фермы сохранился лишь маленький «живой уголок» — конюшня. Но об этом разговор отдельный, поскольку в рамках подъема национального самосознания развиваются в Калмыкии не только буддизм и шахматы. Накануне всех мало-мальски значимых праздников совхозы посылают своих скакунов на районные соревнования, победители которых соревнуются уже за республиканские призы. В принципе разведение породистых лошадей — штука прибыльная, но торговать надо уметь. Местные коневоды знают, что на международных аукционах цены на элитных жеребцов исчисляются десятками тысяч долларов. Знают и то, что хорошая прогулочная лошадка вполне тянет тысяч на пять долларов, но если какому хозяйству и удается провернуть одну-две таких сделки в год, то разговору об этом на всю республику. Если у вас есть пятнадцать-двадцать тысяч рублей, езжайте в Калмыкию, и вам с радостью отдадут любую лошадку.

Впрочем, вопросы выгоды мало волнуют Баатра Дорджиева, конюха и по совместительству наездника. Служил он в Подмосковье, в самых наилучших для степного жителя войсках — милицейском конном подразделении, расквартированном под Наро-Фоминском. По возвращении из армии тот факт, что коров сменили лошади, его только порадовал. Все-таки лошадники — они фанатики вне зависимости от места жительства. Вместе с Баатром мы зашли в пустую конюшню — единственное на ферме помещение, кроме сторожки, где пахло жизнью. Лошадями пахло. Но весь табун — конюх даже извинился за это — был в степи. Нет, не весь — нашелся один отдыхающий персонаж. Впрочем, у него сейчас самая страда. Баатр вывел из конюшни ахалтекинца Галзна, главного производителя в совхозном табуне, а перед этим долго наводил на него марафет жесткой щеткой — «Тебя для газеты снимать будут!». Галзн оказался с небольшим дефектом, для производителя несущественным, — был у него «сорочий глаз». Вот такими ошалевшими, с белым ободком, глазами и смотрел на невесть откуда залетевшую прессу жеребец. На кобыл такой взгляд должен производить магнетическое воздействие...

Баатр был первым из встреченных нами, кто позволил усомниться в том, что с сельским хозяйством в республике покончено бесповоротно. Поговорив с ним, мы отправились на поиски баранов, и степная колея вывела нас... вновь к Дорджиеву. Судя по всему, Дорджиевых тут, как в Корее — Кимов, а на Украине — Петренко. Герман, двоюродный брат Баатра, живет на «точке» с женой Леной. Основа их хозяйства — крытая тростником кошара, в которой умещаются пятьсот с лишним овец. Стадо совхозное, но сотня голов в этом стаде принадлежит супругам Дорджиевым. Есть собственные коровы, кролики, свинки, индюки — по сути, семья небедная. Хотя денег от совхоза уже давным-давно не видели, но по этому поводу не особенно переживают.

А вот пашут, как черти. Мы приехали в страдную пору — у овцематок вовсю шел окот. Обычно овцы рожают без посторонней помощи, но бывает всяко, потому без присмотра будущих «мамаш» оставлять нельзя. А уж новорожденных ягнят — тем более. Первое время они находятся в отдельных клетях, потом их постепенно начинают приучать к стаду. Это введение ягнят во взрослый мир называется «сакман» и требует участия помощников — овцы с ягнятами первые недели ходят маленькими стадами, за каждым из которых следит отдельный пастух, и лишь когда ягнята подрастут, их начинают пасти в общей отаре.

Отару нужно охранять и днем, и ночью. От волков, которых в степи довольно много, и от более изощренных хищников, двуногих. Хотя случаев массового угона скота, как это бывает на Северном Кавказе, здесь не помнят. Лена и Герман уверены: если человек занимается своим делом и ему не мешают, он горы свернуть способен. Другое дело, что сейчас уже невозможно заниматься скотоводством так, как это делали их предки — без электричества, мотоцикла (ненасытная тварь, постоянно требующая бензина и запчастей), вакцин и кормовых добавок, потому и уповать лишь на трудолюбие калмыцкого народа бессмысленно. Выжить-то, конечно, выживут, но, во-первых, что это будет за жизнь, и во-вторых, в двадцатом веке человек может гораздо больше, нежели просто обеспечивать свое бренное существование. Так что помощь калмыцким скотоводам нужна и чем быстрее, тем больше удастся спасти из того, что еще не разрушилось окончательно. И тогда мы будем, покупая тушенку на дачу, придирчиво требовать от продавца: «Элистинская есть?».

Не знаю, как вы воспримете, но в том, что так обязательно будет, меня убедила фраза, вскользь брошенная Леной и к проблемам животноводства отношения не имеющая: «Герман мне первые степные тюльпаны еще неделю назад принес. И где нашел? Ведь холодно было, я до сих пор еще ни одного не встретила...».

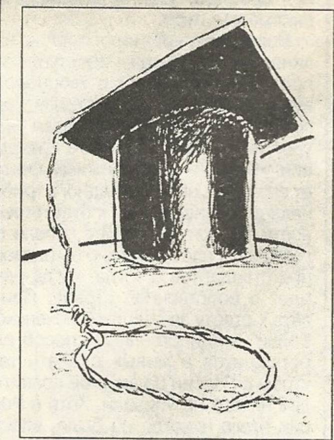
ТЯЖБА

Бодался теленок с дубом

В Элисте оппозицию не любят. Да и за что любить? Мешает, понимаешь, работать выборным органам власти. Покушается, понимаешь, на святое. Правда, тут есть одна закавыка: органы эти избраны незаконно. С этим некоторые агрессивные товарищи не хотят мириться. И судятся напропалую. А мирная и миротворческая власть при этом удивляется: чего ей, оппозиции, надо? Конечно, нас выбрали незаконно, но ведь выбрали же! Теперь мы у власти, куда же нам деваться?

Очень логично, очень логично!

Павел Мацаков судится уже два с лишним года. На беду свою в конце 1996-го он решил баллотироваться в родном селе Троицком Целинного района в органы местного самоуправления. А тут Народный хурал Калмыкии принимает решение: плевать на Конституцию России, на федеральное законодательство о выборах — мы будем определять достойнейших на сходках граждан кристально честным открытым голосованием, дабы каждый смог получить по шее в случае неправильного голосования. Павел снимает свою кандидатуру и пускается во все тяжкие. Доходит до Верховного суда РФ, который, вы будете смеяться, признает правоту Павла и требует от Верховного суда Калмыкии пересмотра местных глупостей. Республиканский суд кается, принимает дело к рассмотрению и трижды вызывает Павла на судебное заседание. Но странным образом

каждый раз Павел получает вызов от судьи Бадаева всего на сутки позже дня заседания. Засим дело «по причине неявки истца» закрывается. Веселый человек — Бадаев, при встрече с Павлом он смеется: ну что же вы не успели на заседание!

Но не один Бадаев веселый в правоохранительных органах Элисты. Есть еще и прокурор отдела по надзору за исполнением законов и законностью правовых актов Прокуратуры Калмыкии В. Ильжиринов. Он пишет Павлу Мацакову депешу, смысл которой сводится к следующему: действительно, вы во всем правы — выборы незаконны, и мы неоднократно докладывали об этом властям; однако они на наши обращения плюют, такова уж наша, извините, прокурорская доля; но вы не смотрите на нашу немощь, а добивайтесь правды где только можно.

Очень смешная история, но Павел рассказывает о своей юридической одиссее на полном серьезе и даже с грустью. Помочь ему, увы, не в наших силах.

ПОЛИТИКА

Сегодня много разговоров о том, что президенту России невозможно работать под постоянной угрозой импичмента, что заниматься такими разборками не ко времени ввиду растущей угрозы войны, что «левые» в Думе намеренно держат Ельцина на крючке, добиваясь политических дивидендов. При этом невольно под подозрением оказывается и «Яблоко», которое, как известно, тоже выступает за продолжение процедуры отрешения президента от должности: не подыгрывает ли коммунистической верхушке?

Григорий ЯВЛИНСКИЙ: «ИЗ ДВУХ ЗОЛ ВЫБРАЛИ ОБА»

— Мы категорически против того, чтобы предусмотренный Конституцией правовой процесс использовался как политическая дубина, которой расчищают дорогу к власти, — говорит лидер «Яблока». — Но так же категорически мы отказываемся рассматривать это с точки зрения того, комфортно ли чувствует себя президент в создавшейся ситуации, сможет ли он морально оправиться, если в нижней палате парламента наберется 300 голосов за предъявление обвинений.

Гораздо большее значение, продолжает Явлинский, имеет то, что сколько уже лет страна не может оправиться от жертв, которые мы понесли в Чечне. Многие десятки тысяч убитых. Фильтрационные лагеря. До сих пор не опознаны останки не захороненных людей. Разгромленная территория. Идущие оттуда бандитизм и терроризм. Преданная властями российская армия. Разложенное российское офицерство. Все это — огромная трагедия. «Яблоко», рассмотрев материалы парламентской комиссии, заняло солидарную позицию: обвинения в адрес президента по этому пункту справедливы.

Их можно обсуждать через три недели, через три месяца или через полгода — Явлинский за то, чтобы уважительно отнестись в этом процессе к президентской стороне, дать ей полную возможность подготовиться к защите. Но содержательная сторона позиции «Яблока» не может быть изменена: эти обвинения президенту должны быть рассмотрены в суде.

Послевоенный миропорядок начинался с того, что за преступления против человечности в Нюрнберге судили главарей фашистской Германии. Сегодня, разрабатывая план урегулирования ситуации в Югославии, «Яблоко» обязательным считает создание международного трибунала для привлечения к ответственности тех, кто виновен в гибели ее граждан. У нас не должно быть двойных стандартов и тогда, когда речь идет о собственной стране. Призвать к ответу зачинщиков чеченской бойни — единственный способ для оставшихся в живых сделать так, чтобы в России по вине ее правителей никого не убивали. Хотя в России этого никогда не было, власть должна нести ответственность перед гражданами за свои действия.

На сомнения некоторых избирателей, пристало ли «Яблоку» оказаться в одной лодке с верхушкой КПРФ, Явлинский отвечает: «Если вы за импичмент — оказываетесь вместе с коммунистами. Если против — вместе с жириновцами. Что лучше? Когда живешь с ними в одной стране, обязательно окажешься вместе в какой-нибудь истории».

Но вот принципиальная разница позиций. Нельзя, говорит лидер «Яблока», считать действия президента преступными и одновременно работать в его правительстве, как это делают коммунисты. Нельзя одной рукой периодически голосовать в поддержку его программ, а другую регулярно поднимать за то, чтобы Ельцина отправить в отставку. Лицемерно заявлять о каком-то соглашении между ветвями власти и назначать сроки импичмента.

Возможность такого противоестественного поведения крупнейшей политической партии создали мы с вами — избиратели. На прошлых выборах нам казалось, что мы выбираем меньшее из двух зол — между банкротами-коммунистами и президентом-разрушителем. В действительности, как скоро выяснилось, выбрали то и другое. Одно посадили в Кремль, второе — в Думу. Сегодня они просто ждут момента, чтобы пожрать друг друга.

ПЕРЕСМОТРЕТЬ РЕШЕНИЕ О НАГРАЖДЕНИИ

**Из «Наградного листа»:
«Сержант КУТЫГИН за время пребывания в артполку в период боевых действий под г. Белгородом июль месяц 1943 г. наступательных боев от Дона до Полтавы 18.1.43 г. по 15.3.43 г. на Калининском фронте с 13.9.43 г. по 15.2.44 г. в боях при прорыве обороны противника Сев. Западнее Витебска и форсировании реки Западной Двины в районе г. Улла тов. Кутыгин имеет на своем счету 3 средних танка, более 2-х десятков уничтоженных станковых пулеметов, ручных пулеметов — 28, минометов — 8, орудий — 3, до 2-х рот противника. Пушка тов. КУТЫГИНА во всех боях находилась на прямой наводке в боях под г. Демидов 23.9.43. г. пушка попала в окружение, прорвавшись через окружение под сильным огнем прямой наводки до роты преследовавших их солдат и отойдя влево продолжали наступление. При прорыве обороны противника Сев. Зап. Витебска вырвавшись вперед трижды открывал огонь прямой наводкой по отступающему противнику. Первым со своим орудием форсировал р. Зап. Двину и продолжал преследование в боевых порядках пехоты.
За проявленное мужество и отвагу достоин звания «ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».
КОМАНДИР 810 АРТПОЛКА ПОДПОЛКОВНИК /ТЕСЛЕНКО/
1 июля 1944 г.»
Здесь полностью сохранена орфография документа.**

...Большая, в восемь детей, семья Кутыгиных кочевала по Черным землям вместе с калмыками. Русский паренек гонял стада овец и навсегда полюбил этот край. Огромные просторы калмыцких степей, цветение тюльпанов в апреле, черное небо над головой с россыпью ярчайших звезд. До восьми лет степь была и домом, и двором, и школой жизни. Только в 1930 году семья осела в Элисте...

Но это другая история, а наша начинается с марта 1942 года, когда 56-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон 53 УРа (укрепленного района) мотался вокруг Сталинграда, практически не вступая в бои, поскольку начальство никак не могло решить, какую дыру в разваливающейся обороне заткнуть. Тот самый УР, к которому был приписан полк и который должен был сдерживать противника где-то в районе Таганрога, так и остался существовать только на бумаге, поскольку сам Таганрог был уже в тылу у немцев.

— В конце концов нас остановили у Дона, в районе Давыдовки, — рассказывает Тимофей Яковлевич. — Мы пропускали сквозь себя отступавшие части, да заодно кое-чем у них и разжились. Правда, дело чуть не дошло до мордобоя.

— Чего так-то, Тимофей Яковлевич. Свои же, вроде?

— А что прикажете делать, если к нашим семидесятишестимиллиметровкам образца тридцать девятого года, пропади они пропадом, ни передков не дали, ни панорам. Все равно, что винтовка без мушки. Ну панорамы нам потом прислали, а передки орудий мы конфисковали у отступающих.

— А что же вы так пушку-то свою недружелюбно...

— Да дрянь орудие. Тяжелое, неповоротливое. К счастью, потом нам их на ЗИС—3 заменили. Вот это пушка — что надо. Так вот, однажды ночью, число точно не помню, в июле было дело, переправились мы на правый берег Дона и заняли село Первое Сторожевое. Немцы нас прохлопали, и мы создали плацдарм. А как увидели, что мы у них под боком, тут и началось. Ежедневно самолеты, артиллерия. А девятого сентября, как сейчас помню, солнце только по пояс над степью витало, и тут — со всех сторон... Грохот адский. Мое орудие на краю села. Осколочных снарядов нет. Только бронебойные. Дали нам еще ящик гранат Ф-1. Но пехоты нет. Только артиллерия молотит. Но танков, гад, не пускает. Мы выглядываем из-за щитка. И командира моего Сагомоняна — прямо в голову. К счастью, жив остался. Прибегает командир огневого взвода Таубе и назначает меня командиром орудия. Только назначил, и тут мое орудие вдребезги. А немец все бьет и бьет. И вдруг — тишина.

Пехота и танки пошли.

— Таубе — немец, что ли? Их же наши на фронт не брали?

— Не знаю. Говорил, что чех. Блондинистый такой. В общем, прет фриц в психическую атаку на нас. Отчаянно идут. Рукава засучены, пехота и танки.

— Это как в фильме «Чапаев»?

— В фильме «Чапаев» ты в зале сидишь, на экран смотришь. Да и танков у Каппеля не было. А тут прут на тебя пьяные эсэсовцы. Прибегает наш комиссар, орет: «Не стрелять!». Только когда до них метров пятьдесят осталось, когда стали они через проволоку перелезать, тут мы и вдарили. Много я их из пулемета положил. Как по живым мишеням. Масса их на проволоке осталась. Откатились они назад, а минут через двадцать новая атака. И так весь день. Семь атак отбили. Тогда немец опять танки пустил. Отбиваться нечем. Ну мы и покатились. С берега вниз, в воду и через Дон. Левый берег — низина, с правого крутого берега все простреливается. До темноты там сидели. Трупы, жара, и немец бьет над головами.

С темнотой вышли к своим. Переформировали нас, и стал с тех пор наш бывший УР двести семидесятой стрелковой дивизией... А я ведь и в плену был.

— Как это так? Вы же до конца войны воевали.

— Воевать-то воевал, а в плену тоже побывал. Только об этом никто не знает.

— И как же все это случилось?

— После Сталинграда рванули мы вперед. Восьмая итальянская армия перед нами стояла. Это, конечно, не немцы. Они все домой эшелонами рвались, а немец их не пускал. Одним словом, уже Полтава видна была. И тут, как сейчас помню, седьмого марта сорок третьего, немец как дал по нам. Танки, стрельба. Ну мы и покатились на восток. А тут и с востока немецкие танки. Мы на юг. А с юга тоже неприятель. Дело к вечеру. Ту ночь в лесу отсиделись. Я, когда бежал, полушубок сбросил. А к ночи пожалел об этом страшно. Чуть не замерз. Одним словом, почти месяц выходили из окружения. Жрать нечего. В селах пусто. Три раза по этим местам война прокатилась. Как-то глядим: край леса, снег, а посередине черная земля. А это картошка неубранная. Два года в земле пролежала. Картошка-то сгнила, а крахмал ничего. Так мы его соскребали и что-то вроде лепешек делали. Попервоначалу объелись от голода, так что чуть не померли — казалось, желудки выблюем.

Так и шли. Порой казалось, вместе с немцами на восток «наступаем». Только те днем, а мы по ночам — по ночам, чтоб на них не напороться. Все перепуталось. Группы наши то распадались, то соединялись. Не то что полки и дивизии — армии перепутались в том котле. Совсем уже обессилели. Патронов нет. На шее ППШ, а магазин пустой. Идем как-то редким таким лесочком и тут: «Хенде хох!». Видать, давно нас заприметили. Винтовки они ломали, а автомат мой один немец взял. А потом спрашивает меня: «Большак? Большак?». Ну я и ткнул пальцем в сторону дороги: «Вон большак». Как двинул он меня моим же автоматом по голове. Это потом я понял, что он спрашивал большевик ли я, а я ему дорогу показал. Одним словом, погнали нас колонной на запад. А я смекаю — конвойных мало. Один далеко позади, другой далеко впереди. Не хватало у немца тогда солдат на наших пленных. Ну я выбрал момент и — в лесополосу, что шла рядом с дорогой. Затаился. А ночью опять к своим — на восток. Вот и весь мой плен.

Вернулся к своим где-то в районе Богодухова, правдами-неправдами пробился в родную двестисемидесятую дивизию. И тут нас снимают и бросают на Калининский фронт. Там я получил свою вторую «За отвагу». Первую-то за Курскую дугу дали. Затем Смоленск, Белоруссия, закончил войну в Курляндии.

— А к Герою когда вас представили?

— Так это за форсирование Западной Двины. Я штурмовым орудием командовал. Был я партсекретарем. Кому идти, как не мне?

— Что это значит — штурмовое орудие?

— Понимаешь, пехота идет в атаку, а рядом с ними, в цепях, орудие катится. Солдату от этого поддержка и моральная, и огневая. Правда, если немец стрелять начнет, солдат залечь может, а нам не положено — мы врага огнем подавить должны. Тогда же при форсировании Двины разобрали мы какой-то сарайчик, сделали подобие плота. Водрузили нашу ЗИС-третью — и через реку. Противник засек, стрельба началась, а нам из пушки не стрельнуть — она от отдачи в воду свалится. Так я их из пулемета. Вообще-то нам пулемет не положен. Но я еще на Курской подобрал ручняк дегтяревский. Выручил он нас тогда. Высадились мы. Немцы — в контратаку. Мы — прямой наводкой. Один в расчете был убит. Все остальные ранены. Тогда и представили...

Я после войны еще два года служил. А когда демобилизовался, вернулся сюда, в Калмыкию. Куда только не звали — в Прибалтику, в Чувашию. Места там сказочные. Да не могу я без степи. Здесь моя родина.

— Скажите, Тимофей Яковлевич, вот вы — молодые ребята. Война, смерть рядом. А как же женщины?

— Женщины? Вопрос. Вот я скажу: была у нас одна красавица. Правил строгих. Недоступная женщина. И была другая — солдатам не отказывала... Да не об этом речь.

Собеседник замолчал, но подумалось: кто же из этих двух настоящая Женщина? Наверное, и та, и другая...

Выписка из «Наградного листа»:

«Приказом войскам 6 Гвардейской Армии Прибалтийского фронта 3 0199/н от 20.8.44 года Кутыгин Тимофей Яковлевич награжден орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ»

С ходатайством о пересмотре решения командования 6-й Гвардейской Армии и присвоении солдату звания Героя в соответствующие инстанции обращались президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов, законодательное собрание республики, но документы все еще гуляют где-то в дебрях московских канцелярий. А уже рядом День Победы.

Кирсан глазами Хайди

**Канадская фотожурналистка Хайди Холлинджер приехала в Россию семь лет назад, причем до этого момента к фотографии она имела достаточно косвенное отношение — была фоторедактором в газете колледжа.
А специализировалась на языках — испанский, французский, русский... Вот как раз стажировка в русском и была целью ее приезда.**

Сложилось так, как сложилось: сейчас она едва ли не самый публикуемый в мире фотограф, специализирующийся на российском политическом бомонде. Потому достаточно коротко знакома с большинством политических деятелей, в том числе и с Кирсаном Илюмжиновым. В Калмыкии побывала четыре раза, участвуя и в шумных презентационных поездках, организованных калмыцким президентом, и в гораздо менее помпезных рабочих визитах — для съемок по заказам. Нам показалось интересным привести ее мнение, ее впечатления об Илюмжинове.

«Впервые я оказалась в Калмыкии в 1997 году — я летела туда вместе с Илюмжиновым и Алексием Вторым. Кирсан с удовольствием показывал Патриарху новые храмы — православный, католический, буддистский. В этом не было никакой позы, я сама буддистка и знаю, насколько буддизм дружелюбен в отношении других религий. Очень мне понравились биллборды — ну эти огромные щиты, где Кирсан вместе с Далай-Ламой, Патриархом, Папой

Кирсан практически не спит. Во время одной из поездок в Элисту мы с коллегой-фотографом попросили его с нами встретиться, и он назначил рандеву... на три часа утра у памятника Будде. Пришел минута в минуту, мы пообщались, а к четырем утра отправились в ресторан ужинать.

Помню, я присутствовала при торжественном открытии новой дороги — он тогда три часа под дождем и на ледяном ветру награждал всех (всех — вплоть до поварих!) участников строительства ценными подарками. И вообще я ему сказала: «Кирсан! Если вы все-таки примете закон о многоженстве — то я жду твоего звонка!».

фото Хайди ХОЛЛИНДЖЕР

БУТЫЛКА ПО ВЫЗОВУ

По первому зову

После того, как в третий раз за день мы набрали номер фирмы «Курьер», и в третий раз спустя минуту к условленному месту подкатила машина, решили ехать не по делам, а в этот самый «Курьер», который действует с непонятной для москвича скоростью и пунктуальностью.

Ехать оказалось недалеко и недорого, поскольку офис располагается в самом центре города — в старом корпусе гостиницы «Элиста». Именно там мы и встретились с хозяином «Курьера» Виктором Степановичем Куюкиновым, у которого и постарался выведать главный секрет фирмы.

Секрет оказался простым, опирающимся на золотое правило всякого честного бизнеса: «Чем большее количество людей успеешь обслужить в единицу времени, тем больше получишь». Исходя из этих соображений, молодой инженер Куюкинов в 1990 году взял в аренду 40 раций и установил их на автомобилях частников, став посредником между клиентами, желающими ездить по городу, и индивидуалами, стремящимися возить их за деньги. Получилось, во-первых, оперативно, поскольку диспетчер по рации подыскивал ближайшую к пассажиру машину. Во-вторых, дешевле, чем на государственном такси, где в оплату входят изрядные накладные расходы на оплату труда «лишних людей». В-третьих, честно. Дело в том, что традиционные счетчики из-за их дороговизны на машины устанавливать не стали. Пассажир платит за время поездки, которое фиксируется диспетчером: шофер говорит в микрофон, когда посадил клиента и когда он с ним расплатился. При этом шофер забирает себе 80% суммы, а «Курьеру» отдает 20%.

Вначале у «Курьера» было множество трений с городскими чиновниками, которые приняли в штыки это полезное для людей и вредное для совбюрократической системы начинание. Если в городе происходило что-либо антиобщественное и в это время мимо проезжала курьерская машина, то во всем винили «буржуйскую» фирму. Хотели даже ее закрыть. Но тут пришел Кирсан и дал бизнесменам волю.

Сейчас ежедневно с «Курьером» сотрудничают от 30 до 100 машин. И развозят они за 50 копеек в минуту не только людей. Могут привезти на дом что-либо из ассортимента магазина, имеющегося в составе фирмы. За те же самые 50 копеек в минуту плюс стоимость товара без наценки на время суток. Скажем, джентльменский набор из пачки сигарет, бутылки водки и банки килек в томате одинаково стоит и днем, и ночью. Кроме этого, есть услуга по грузовым перевозкам. Каждый водитель обязан раз в месяц сделать бесплатный благотворительный рейс по заказу отдела социальной защиты.

Кстати, «Курьер» в городе не одинок. Есть и еще две частные таксомоторные фирмы, вдохновленные успехом Куюкинова. Но у них нет грузоперевозок и доставки продуктов на дом. По образу и подобию «Курьера» создана фирма в Армавире. Ее назвали тем же именем.

Предусмотрена и безопасность пассажиров. Контракты заключаются с людьми, имеющими трехлетний водительский стаж. Ежедневно водители проходят медосмотр. Дважды в год машины подвергаются техосмотру. Фиксируются жалобы пассажиров, хоть это, в общем-то, и чисто формальная затея. Как я успел убедиться, водители в Элисте обладают какой-то фантастической предупредительностью. Ну а уж как они дорожат здоровьем пешеходов, пропуская их в любой ситуации, об этом в жесткой Москве мечтать не приходится.

Такси «Курьера» могут возить людей и за пределы города. Но тогда оплата взимается не за минуты, а за километры, каждый из которых стоит 3 рубля. Счетчик не нужен и тут, поскольку у диспетчера есть карта с промеренным километражем всех возможных поездок. И во сколько же мне обойдется поездка до Москвы, поинтересовался я. Да за 3 тысячи довезем, в 12 часов уложимся, ответили. Большое спасибо, сказали мы без всякого энтузиазма и отправились на железнодорожный вокзал.

Чемпионы плана

Ни для кого не секрет, что уже год от перрона элистинского вокзала не был отправлен ни один пассажирский поезд. Республика отказалась платить МПС за содержание ветки, проходящей по ее территории. На то есть ряд вполне объективных причин. Во-первых, встала промышленность, в связи с чем нечего стало возить по рельсам. Грузовые поезда отправляются из Элисты лишь дважды в неделю. Во-вторых, пассажирские поезда были удобны лишь для льготников, которые платят за билет половину стоимости и готовы трястись в вагоне до Москвы 44 часа. В то время как автобус довезет за сутки.

Однако дорогу поддерживают в рабочем состоянии, надеясь на лучшие времена. Когда, скажем, начнется строительство газопровода и понадобится перевозить много труб. Надеются и на то, что железнодорожное начальство надумает соединить тупиковую Элисту с Волгоградской железной дорогой. И тогда за счет транзитных рейсов возрастет грузопоток со всеми вытекающими положительными обстоятельствами.

Как ни странно, пассажирский вокзал «Элиста» после отмены поездов начал жить припеваючи. Теперь он настолько успешно продает билеты на чужие станции, находящиеся за пределами республики, что впервые за много лет стал перевыполнять план. Как гласит пословица: баба с телеги — кобыле легче.

Последний оплот уцелевших челноков

Передвижение внутри Калмыкии по шоссе интенсивным не назовешь. Автобусы ходят нечасто. Да и людям разъезжать особенно некуда, о чем свидетельствует наличие в кассах свободных билетов. Скажем, платишь 45 рублей и трясешься в «ПАЗике» 6 часов до Лагани.

Куда лучше налажена связь с «внешним» миром. На этой ниве трудится не только государственное унитарное предприятие «Калмавтовокзал», совершающее в неделю до 25 рейсов, но и ряд частных фирм. С одной стороны, госперевозки как-то привычней. С другой, например, «Нежин-Экспресс» развозит дальнорейсовых пассажиров по экзотическим городам, а не сгружает всех на автовокзале. А за постоянными клиентами, роль которых играют челноки, может даже перед рейсом заехать домой. Удобно. Да и цены те же самые. Междугородними перевозками занимается еще и ООО «Виадук» и фирмы из других городов.

Короче, несмотря на то, что пассажирские поезда не ходят уже год, людей возят и в Краснодар, и в Астрахань, и в Волгоград, и в Ростов, и в Нальчик, и в Таганрог, и в Минводы... Наиболее популярен, естественно, Ставрополь (275 км, 47 руб.), поскольку это самый ближний город, где можно сесть на поезд. Получается, что на автобусе выходит 17 копеек за километр, что существенно дешевле такси. Ну а до Москвы можно добраться за 24 часа, заплатив 260 рублей.

Может быть, на лошадях будет подешевле? — подумали мы и поехали на 11-м автобусе на ипподром.

Наш Гадамес, вперед скачи!

Лошадей в Калмыкии по-прежнему много, около 11 тысяч — как государственных, так и частных. Много, конечно, выращивают на мясо, но и ездят на конях с большой охотой. Лучшие из лучших лошади ахалтекинской, буденновской и чистокровной арабской пород собраны на ипподроме. Их около ста двадцати. Примерно треть из них используется для тренировок конноспортивной школы. Остальные скачут на ипподроме. Наиболее прославленный конь — Гладкий из совхоза «Октябрьский», который, выиграв в 1995 году в Ростове-на-Дону всероссийский приз, стал чемпионом буденновской породы.

С недавних пор дважды в году стали проводить пробеги на 50 километров, в которых скачут до 150 лошадей. На основании этого факта обратились к конюхам: «Отцы, а до Москвы довезете?». Те тут же вывели гнедого красавца-ахалтекинца Гадамеса и собрались уж было седлать. Но тут возник вопрос с ценой и временем. Говорят, что не спеша довезут за две недели, а с ветерком — дней за десять. В день платить надо по стольнику. Да еще на корма надо, а овес ныне дорог. Да перековывать надо. Да гаишники на штрафы. Да водочки на растирание...

Конечно, это романтика. Однако железная птица «Як-40» возит дешевле и летает быстрее.

А птицы разлетелись за долги...

Были, были у элистинского авиаотряда хорошие времена — тогда же, когда и у всей отечественной авиации, называвшейся одним словом — «Аэрофлот». Десять лет назад, девяностом, калмыцкие летчики перевозили пассажиров в полтора раза больше, чем машинисты. Тогда на бетонке элистинского аэропорта гнездились семнадцать штук Як-40 и Ан-24, а также больше двух десятков Ан-2, успешно пахавших на местных рейсах. В каждом райцентре был маленький аэропортик. Впрочем, в сравнении с железной дорогой и сейчас летчики смотрятся орлами: воздушных пассажиров стало меньше в двадцать раз, а поездом, как уже говорилось, из калмыцкой столицы можно уехать лишь зайцем, на товарняке.

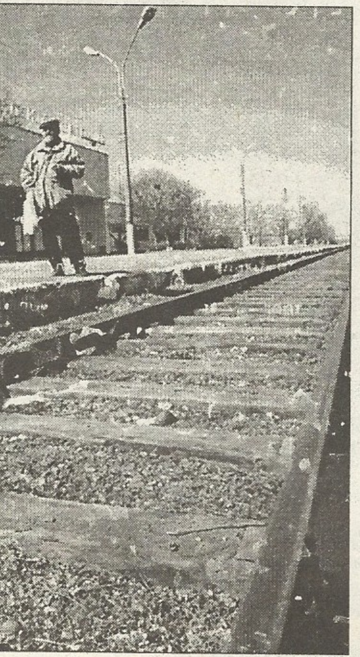
Времена, когда небо наполняло непрерывное жужжание двигателей, закончились с развалом «Аэрофлота». Вот-вот, в начале 90-х, ждали, что в Элисте начнется опытная эксплуатация нового среднемагистрального Ил-114. Ждали, но не дождались — «сто четырнадцатый» так и не стал серийным. А те самолеты, которые он должен был заменить, постепенно ветшали, вырабатывали ресурс, и их нужно было все чаще ставить на регламентные работы. На Як-40 специализируется авиаремонтный завод в Минске, и за то, что самолет разберут до винтика, отдефектуют и вновь приведут в порядок, надо было платить несколько тысяч долларов.

Если кто забыл, с деньгами в первые годы перестройки было туго (если кто помнит, то и сейчас лучше с деньгами не стало), так что с минчанами расплачивались бартером — отгоняли туда три самолета, назад получали два...

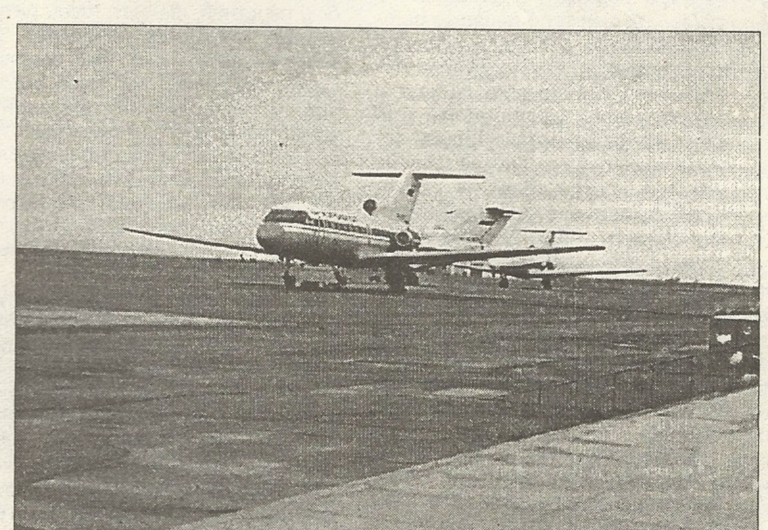
Несколько подобных операций — и самолетов практически не осталось. На полосе притулился кирсановский «Калмыкия», который не летает в силу того же выработанного ресурса, да пара птичек попроще кряхтя выполняет четыре московских рейса в неделю. Других воздушных дорог из Элисты нет.

По отзывам специалистов, Элиста — практически идеальный запасной аэродром для всего региона: грамотно сориентированная по розе ветров полоса, стабильно хорошие метеоусловия... Но нет своего авиатоплива, и его приходится возить автоцистернами. Под программу создания международного аэропорта из республиканского бюджета ушли немалые деньги. Построили аэровокзал, который стабильно пустует, и в ходе реконструкции взлетной полосы разобрали один из двух посадочных локаторов. Денег на полную реконструкцию не хватило, а с точки зрения безопасности полетов аэродром стал хуже, чем был.

С точки зрения рынка все происходящее с калмыцкой авиацией — нормально. Инвестиции в авиацию дают возврат очень не скоро, а свободных (и немалых!) денег нет ни у кого. Если спрос на авиаперевозки по каким-то причинам резко возрастет, обязательно найдется авиакомпания, которая возьмет перевозки на себя. Так в принципе летом и происходит — то воронежцы элистинцев возят, то ростовчане. Правда, и прибыль от этих рейсов идет вовсе не Калмыкии...

Не жди меня, мама...

Когда-то в Калмыкии было четыре десятка «железных птичек»

БЕСПАМЯТСТВО

Четыре с половиной тысячи — «за». Один — «против»

Давным-давно, двадцать четыре года тому назад, комсомольцы Целинной районной больницы обратились через газету «Ленинец» с открытым письмом к юношам и девушкам района с призывом отработать два дня безвозмездно и полученные средства перечислить в фонд строительства памятника отважной партизанке Тамаре Хахлыновой.

Так раньше работали: выступали с инициативой, создавали фонды, перечисляли деньги.

В год тридцатилетия Победы памятник не поставили, впрочем, не было его и к тридцать пятой годовщине, и к сорокoвой. Комсомол был занят другими делами, а о строительстве памятников и обелисков героям Великой Отечественной войны просто забыли.

Но памятник Т. Хахлыновой был поставлен в 1988 году по инициативе Н. Джальджиреева, директора Троицкой средней школы № 1, во дворе школы. Комсомол, конечно, не дал на памятник ни копейки. Но это все, как говорится, присказка.

В 1996 году районный Совет ветеранов войны и труда предложил присвоить Троицкой школе № 1 имя маршала Жукова Георгия Константиновича. Общешкольная конференция, состоявшаяся 21 ноября того же года, приняла решение: «Ходатайствовать перед представителем президента РК по Целинному району о присвоении школе имени маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза Георгия Константиновича Жукова». Все, что происходило после этого, сравнимо разве что с действом в театре абсурда.

После принятия решения были подготовлены необходимые документы и направлены представителю президента по Целинному району А. С. Кекешкееву. Получив отказ, инициативная группа встретилась лично с Кекешкеевым и его замом Натыровым. Руководство района в лице Кекешкеева и Натырова сообщило, что родственники Т. Хахлыновой не согласны с предложением ветеранов района о присвоении школе имени Жукова, а настаивают на присвоении школе имени Т. Хахлыновой.

10 октября 1997 года С. Джальджиреева и С. Мацакова встретились с братом Т. Хахлыновой Басаном Даниловичем, и он сказал буквально следующее: «Я ничего против решения коллектива учителей и учеников не имею. Как коллектив решил, пусть так все и остается» (цитата из записки Мацаковой и Джальджиреевой на имя директора школы). Затем последовало обращение в министерство образования Республики Калмыкия.

Первый заместитель министра К. Бембеев ответил: «Рассмотрев письмо и все копии материалов с ходатайством о присвоении Троицкой средней школе №1 имени маршала Жукова Г. К., учитывая заслуги Жукова Г. К. перед Отечеством, его значение в патриотическом и нравственном воспитании учащихся, министерство образования Республики Калмыкия считает возможным присвоение данного имени Троицкой средней школе № 1».

Далее следовало разъяснение, что оформлением всего этого занимаются местные территориальные органы власти, в данном случае — администрация представителя президента в Целинном районе. Ну а администрация решила стоять насмерть. Чем уж покойный маршал прогневил Кекешкеева и Натырова, трудно сказать. Может, по их мнению, он не сделал ничего особенного. Подумаешь, война! Подумаешь, Победа! Может, внешность его им не нравится — не знаю. Но стоят они твердо.

— Не бывать школе имени Жукова, — говорят районачальники.

В Троицкой средней школе № 1 решили узнать мнение жителей поселка, поддерживают они или нет присвоение школе имени великого полководца. И пошли по домам собирать подписи. Четыре с половиной тысячи жителей поставили свои подписи в поддержку Обращения Совета ветеранов района. Целая книга получилась, наверняка и Кекешкеев с Натыровым ее видели, да только дело не сдвинулось с мертвой точки.

Геннадий ЮДИН

ПРЕЗИДЕНТСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Школа бизнеса

С тыльной стороны элистинского Белого дома — уютный сквер. На весеннем солнышке в сквере этом чудо как хорошо на скамеечке посидеть, пивка попить, на неработающий фонтан посмотреть... Фонтан украшен аллегорической скульптурой, смысл которой трудно не разгадать: маленький мальчик помогает взлететь обессилевшему дракону. Ясно, что дракон, сильно напоминающий застывший в аэропорту Як-40 (вид с хвоста) — это калмыцкая экономика, а мальчик — само собой господин Илюмжинов. Можно долго рассуждать, полетит или не полетит дракон, будучи чисто анатомически к полету не приспособленным, но что в экономике Калмыкии растет надежная смена — в этом убеждаешься, не отходя от фонтана.

Поскольку университет от президентской резиденции не намного дальше, чем описанный фонтан (только с противоположной стороны), все скамейки в сквере вторую половину дня до полуночи заняты преимущественно студентами и студентками. То, что после распития «Волжанки» (5 рублей бутылка) или «Балтики» (8—9) остается пустая тара, общеизвестно. Что эта тара не застаивается на асфальте — тоже не секрет. Интересным показалось другое: среди достаточно бомжеватого вида товарищей, промышлявших пустыми бутылками, вдруг мелькнул парнишка, явно выделявшийся из «сталкеров». Как-то все у него лихо получалось...

Разговорились. Звать Лехой, от роду одиннадцать лет. К этому возрасту уже приобрел твердую уверенность, что рассчитывать в жизни нужно в первую очередь на себя. Худо-бедно, однако за несколько часов рублей на двадцать набирать ему удается.

«Лех, а другие способы зарабатывать деньги есть?» — спрашиваю. «На заправке. Но там работать дольше приходится». Уже сейчас Леха знает, с кем можно биться за свой бизнес, а когда нужно отойти в сторонку. Уже сейчас понимает, что нормальный бизнес — это когда умеешь ладить с людьми.

Что заставило его «открыть свое дело»? То же, что и всех нынешних бизнесменов, — неудовлетворенность материальным положением. Живут без отца, мама на двух работах — в одном киоске торгует сутками, в другом — более короткими сменами. Денег хватает лишь на самое необходимое, а Лехе кое-что надо и для украшения жизни. Куртку вот прошлой осенью купил за 380 рублей. И хоть с мамой вместе выбирал, но неудачно — дерьмовой оказалась куртка, уже рвется. Но уже лето на подходе, потому следующей большой покупкой Леха наметил роликовые коньки в комплекте с налокотниками-наколенниками, чтобы круто было.

При всем том учится Леха неплохо, уроки умудряется за десять-пятнадцать минут сделать, а по шахматам — обязательному в Калмыкии предмету — даже лучший в классе.

...Он рассказывает, а глазами пасет подведомственную территорию. «Ой, секундочку!» — срывается с места. Это девушки-студентки со скамейки напротив покончили со своей «Волжанкой», и тут Лехе надо быть начеку. Через полминуты возвращается: «Так о чем вы спрашивали?»...

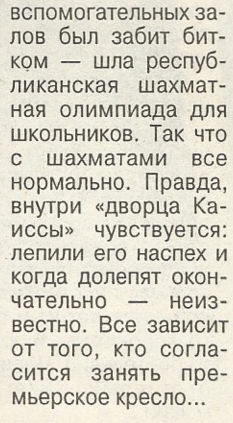
Чесс без Сити

Сити Чесс — практически единственный глобальный строительный проект, реализованный в Калмыкии в последние годы. Даже прилежащие жилые дома, построенные на средства, выделенные для жителей затопленных Каспием районов Лагани, и те возводились как некий органичный фон для Города Шахмат. Впрочем, злые языки утверждают, что жителям злополучной Лагани в тех розовых многоэтажках если что и досталось, то крохи — район оказался «блатным» со всеми вытекающими последствиями.

Много слухов ходит и о том, что авральная достройка Сити Чесс производилась под устные обещания Кирсана Илюмжинова московскому правительству и конкретным частным инвесторам. Один из них, шурин московского мэра Батурин, даже побыл пару месяцев на хлебном месте — в кресле республиканского премьера, но за столь короткий срок вложенных средств вернуть не сумел. Но даже добрые языки утверждают, что предполагаемый возврат денег после продажи шикарных коттеджей и квартир в шахматном комплексе по сию пору остается весьма проблематичным — не хотят калмыки, даже самые богатые, покупать жилье без земли. Пока продан лишь один двухквартирный коттедж номер 3-1. Изрядная доля жилья в Сити Чесс предоставлена правительством республики (безвозмездно) футболистам «Уралана», что тоже не подразумевает возврата вложенных средств.

Что реализовано полностью — так это загруженность главного сооружения, Сити Чесс холла. Там постоянно проводятся какие-то соревнования. Вот и в момент нашего визита один из вспомогательных залов был забит битком — шла республиканская шахматная олимпиада для школьников. Так что с шахматами все нормально. Правда, внутри «дворца Каиссы» чувствуется: лепили его наспех и когда долепят окончательно — неизвестно. Все зависит от того, кто согласится занять премьерское кресло...

ЮВЕЛИР РЕСПУБЛИКИ

Неужели это моя работа!

Жизнь этого человека полна драматических событий, детективных сюжетных ходов и содержит в себе изрядный педагогический потенциал. Его настоящие фамилия, имя и отчество — Эрдни Савлеевич Бурлов. Все знают его как Григория Савельевича Васькина. Однако он никогда от властей не прятался и по подложным документам не жил. Просто над его паспортными данными потрудились вначале имперские чиновники, а потом советские интернационалисты, с большой неохотой различавшие чуждые им имена. Его дед зимовал в урочище Амта-Худук на зимовье донского казака Василия. На этом основании во время переписи населения Российской Империи в 1897 году ему присвоили фамилию Васькин. Ну а уже в 1944 году, когда герой нашего повествования вместе со всем калмыцким народом был сослан в Сибирь, тугой на ухо и раздражительный комендант трансформировал Эрдни Савлеевича в Григория Савельевича. Однако Эрдни Савлеевич ни на кого зла не держит и в свои 74 года восстанавливать историческую правду в своем паспорте не намерен.

Григория Савельевича в трехлетнем возрасте отдали на воспитание в буддистский Эркетинский храм. Его учителем стал монах Бадмин Кириб — прекрасный иконописец, чеканщик, резчик и ювелир. И образованный человек, знавший санскрит, тибетский, монгольский и французский языки. Все свои знания он и передал пытливому пацану, который усваивал национальное калмыцкое ремесло настолько прилежно и успешно, что не требовал применения по отношению к себе каких-либо педагогических жестокостей. В 7 лет он самостоятельно сделал свое первое кольцо. И с тех пор свою жизнь режет, выпиливает, чеканит, полирует.

В Сибири Григорий Савельевич служил музам, можно сказать, сразу на двух фронтах. Строил Новосибирский оперный театр. А потом, после 10 часов таскания носилок и работы с кувалдой в руках, начальник строительства заставлял его заниматься ювелиркой: скупал на рынке по дешевке ширпотребовское золото, а молодой калмык и двое его подручных переделывали безликие кольца и серьги в вещи удивительной красоты. Когда «золотая» троица попыталась взбунтоваться (после кувалды тонкие вещи не сделаешь!), то всех троих отправили зимой валить тайгу. Днем валили, ночью пытались уснуть под открытым небом у костра. Помощники умерли. А Васькина вернули и даже подлечили — слишком уж золотые яички он нес для начальства. И даже «поблажку» дали — в дни работы с кольцами его не ставили на стройку.

Когда пришел конец сталинскому людоедству, Григорий Савельевич вернулся в родные края. Поскольку был грамотным, что тогда встречалось нечасто, его тут же приняли в партию. Поскольку был ювелиром, то попал в помощники к секретарю обкома Басану Бадьминовичу Городовикову: какой почетный гость ни приезжал бы в Элисту, его ожидал уникальный сувенир, сделанный руками народного умельца. Причем сам Васькин до процедуры вручения подарка не допускался. Получалось так, что это якобы весь калмыцкий народ сделал, ну а начальник народа подарил. Любопытно, что в дни дарений автора освобождали от работы, и он с радостью шел в свою мастерскую колдовать над материалами.

> Когда герой нашего повествования вместе со всем калмыцким народом был сослан в Сибирь, тугой на ухо и раздражительный комендант трансформировал Эрдни Савлеевича в Григория Савельевича.

Григорий Савельевич не может сказать даже приблизительно, сколько же медалей, шкатулок, трубок, перстней, шахмат, пиал, ритуальных предметов он сделал за свою жизнь и к кому они попали. Среди его «клиентов» были Брежнев, южнокорейский президент, Далай-лама. В огромных количествах его работы бесплатно получали артисты, военачальники, спортсмены, дипломаты и развозили по странам и континентам. Хоть что-то, к счастью, сохранилось в краеведческом музее.

А дома хранятся лишь шахматы, которые дороги автору как память о временах ученичества. Григорий Савельевич много лет спустя воспроизвел шахматы, которые хранились в Эркетинском храме. Работал он над ними полтора года. Доску сделал из красного ганского дерева, инкрустированного мельхиором, собрав ее из 163 пластин. Фигуры — из рога африканского буйвола и бычьей берцовой кости. Вещь уникальная, от которой алчным пламенем загораются глаза коллекционеров. Один иностранец умолял уступить за 20 тысяч долларов, но так и уехал восвояси ни с чем.

А сейчас он делает подарок для Далай-ламы, который должен приехать в Элисту на открытие буддистского храма. Это будет медаль, изготовленная из красного вьетнамского дерева, серебра, золота и бивня мамонта, который прислал в дар президент Якутии Николаев.

Все работы Васькина выполнены в строгом соответствии с канонами национальной символики. Автор может долго рассказывать, например, об отличии женской курительной трубки от мужской. А уж по части калмыцких орнаментов, которых насчитывается 124, ему нет равных. Знает, в каких случаях следует применять тот или иной орнамент, знает смысл каждого из них, его «словесную» расшифровку. Ведь только один из 124 замысловатых хитросплетений линий абстрактен, а все остальные имеют определенную смысловую нагрузку: историческую, космогоническую, бытовую, сатирическую. Это своего рода письменность, придуманная задолго до того, как Джангар подарил калмыкам азбуку. Поэтому каждая работа Васькина предельно индивидуальна, использованное в нем сочетание орнаментов является посланием конкретному человеку.

Григорий Савельевич не хранит это, словно скупой рыцарь, а охотно делится с пока еще не совсем поднаторевшими в отеческой символике земляками (каким казусом, например, выглядит скульптура Будды с табличкой, где сказано, что это «памятник Будде»). Васькин читает курс прикладного искусства студентам университета. Совместно с искусствоведом Светланой Горяевной Батырцевой он подготовил монографию о калмыцких орнаментах, которая вскоре должна быть издана. Это крайне актуальная работа.

А еще Григорий Савельевич, как и каждый калмык, страстный шахматист. Засидевшись с гостями в мастерской допоздна, он пошел оттуда прямиком в шахматный клуб. Сказав напоследок, что никогда политикой не интересовался, поскольку всю жизнь зарабатывал на хлеб головой и руками.

ПОВОДЫРЬ

Давид Кугультинов следит за тем, чтобы калмыцкий народ не свалился в пропасть

Представляя человека, принято перечислять все его награды, чины и занимаемые посты. Так получается весомее. Однако есть люди, чьи имена самодостаточны, они не требуют каких-либо словесных украшательств. Именно таков Давид Кугультинов, которого в Калмыкии знают все от мала до велика. Широко известен Давид Никитич и за пределами республики, поскольку его стихи, написанные на родном языке, с удовольствием переводили во всех республиках бывшего Советского Союза. И не потому, что был начальником в Союзе писателей, а просто стихи хорошие. Сейчас убеленный сединами поэт по-прежнему полон энергии, он работает, как и прежде, на двух фронтах — поэтическом и общественном. И это приносит пользу не только Калмыкии, но Народному поэту Калмыкии. Во-первых, он находится в гуще событий, знает о нуждах и чаяниях простых людей, что дает пищу для творчества. Во-вторых, его дом — лучший в Элисте. Это ли не высшая справедливость, о которой всегда мечтало прогрессивное человечество: чтобы поэты жили лучше чиновников и бизнесменов. Наша беседа протекает в небольшом кабинете на пятом этаже Дома правительства, который люди по-простому называют Белым домом. Давид Никитич задумчиво вспоминает о молодых годах:

— Когда-то я подавал большие надежды. И по сегодняшний день я единственный, кто принят в СП СССР в 18 лет, минуя обязательный трехлетний кандидатский стаж. Рекомендацию мне дал Александр Фадеев. Прошел войну. И потом 13 лет каторги и ссылки. Видимо, поэтому по отношению ко мне было чувство вины, и меня очень широко печатали. В связи с этим часто ездил в Москву, и она стала моим вторым родным городом. Когда я был секретарем Союза писателей России, мне предлагали в Москве квартиру и дачу. На что я высокомерно — это я сейчас так вижу свои слова — отвечал: тринадцать лет я был вне Калмыкии не по своей воле, а если теперь по своей воле уеду, то меня могут спросить: а есть ли у тебя родина?

— Давид Никитич, поэзия в Москве сейчас переживает трудные времена. Народ покупает в основном коммерческую литературу. А как у вас?

— Трудно сейчас говорить о поэзии в Калмыкии. Для того чтобы узнать, как относится человек ко вкусу хлеба, надо дать ему кусочек: чтобы он пожевал, а потом сказал. Сейчас книги почти не издаются. А те, которые были изданы раньше, вызывают большой интерес. У калмыков есть большой интерес к своей культуре, истории, традициям. Люди читают. И это меня радует.

Многие, особенно приезжающие из Москвы, не понимают этого процесса. Их удивляет, почему ставят памятники, когда все голодают. Дело в том, что калмыки к голоду привыкли, а памятников они не видели — своих собственных. Поэтому и ставят их с радостью. Конечно, в России это неслыханно. Мы первыми поставили памятник великому русскому поэту Велимиру Хлебникову на его родине в Малых Дербетах. Хлебников жил давно, а народ его хранит в памяти до сих пор. Свойство человеческой памяти таково, что она накапливает все самое лучшее, а для плохого не остается места. Поставили на деньги, которые собрали простые люди. Это было побуждение души народа.

И опять обидно. Вы же понимаете, как трудно поставить бронзовый памятник, большой, в рост. Мы его открыли и с радостью об этом сообщили. Но на телевидении в Москве комментатор Гурнов сказал: «А теперь, в конце передачи, хочу сообщить следующее. Мы привыкли получать из Калмыкии вести о том, что там СПИД. А теперь там поставили памятник Хлебникову». И как-то так при этом ухмыльнулся. «А еще, — говорит, — в Индии взорвали Раджива Ганди. Взрыв был таким мощным, что от него остались куски. Интересно, как собирали эти куски». Вы представляете!

— Элиста изобилует прекрасными скульптурами, над которыми, судя по всему, потрудились талантливые мастера. Где вы взяли столько настоящих скульпторов?

— В Элисте устроили международный фестиваль скульптуры. Пригласили художников со всего мира, и они бесплатно сделали множество прекрасных скульптур, которыми украшен теперь весь город. Мастеров только кормили и давали материал для работы. Так что они трудились не за деньги, а стремились проявить свой талант, оставить о себе память. Это очень сильное человеческое чувство, мощный побудительный мотив для творчества.

Сейчас делается многое в плане возрождения калмыцкой культуры. Открываются буддийские пагоды, создаются условия для того, чтобы каждый мог молиться угодному ему богу.

— Какому богу молитесь вы?

— Я атеист, но никто меня за это с работы не увольняет. И не чувствую, чтобы кто-то на меня косо смотрел. Думаю, что если бы я вдруг объявил себя верующим, то меня перестали бы уважать. Дескать, как это старик, которому 78-й год пошел и всю жизнь имел другую веру — в науку, — вдруг в один день переменился. Я бы этим оскорбил и бога, и людей.

Главное тут заключается в том, что тяга народа к своей душе оказалась сильнее временных невзгод, объявших не только калмыков, но и всю Россию. И это дает мне основание думать, что пройдет сие. Помните у Цветаевой: «У славного царя щедрот славнее в царстве не имелось, чем надпись «И сие пройдет».

— Чем вы занимаетесь в Белом доме? Каков круг ваших обязанностей и полномочий?

— Я председатель Совета старейшин. Это общественная должность, без зарплаты, без ничего. Она возникла в голове нашего президента, когда он окунулся в народные традиции. У всех народов монгольского происхождения, да и на Кавказе тоже, старейшины всегда имели очень сильный голос. В силу своего опыта они могут подсказать, что надо идти этой дорогой, а не той. Потому что на той дороге до того, как ты родился, я однажды упал в пропасть. Старики очень полезны для молодых. Президент советуется с Советом старейшин.

— Почему в Калмыкии вместо Конституции приняли Степное уложение?

— Я выступал, когда мы принимали Степное уложение. И говорил: чтобы не обижать народ, нам надо это слово выбросить — «конституция». Дело в том, что у калмыков и монголов раньше тоже было слово, аналогичное «конституции». Это слово «хуль», т.е. «закон». В давние времена слово «хуль» было почти синонимом слову «правда». Но сейчас оно обрело уже значение мошенничества и всего самого порочного, что есть в человеке. То есть поменялось на противоположное. Слово «конституция» тоже имело вначале очень хороший смысл. Но вдруг, когда, опираясь на это слово, начинают убивать безвинных людей, истреблять народы!.. Зачем нам нужно было его сохранять? Но мы не предполагали, что свыше воспримут это как кровную обиду... И вынуждены были вернуть его.

— Что, на ваш взгляд, Кирсан Илюмжинов сделал для налаживания в Калмыкии нормальной жизни?

— Мы все умрем. Но что-то останется. Он, будучи президентом, отменил статью, где было сказано, что церковь отделяется от государства. Когда церковь отделяли от государства, то все это поняли так, будто бы государство имеет право уничтожить все пагоды. Потому что государство обладает силой. И все уничтожили. А теперь мы ликвидировали эту статью. И за счет личных денег президента построили пагоду. Он много средств в нее вложил. Построили, когда все разрушается. На добровольные взносы верующих возведено много пагод в районах и селах. И старики благодарят президента.

В маленькой Калмыкии построили шахматный город. Остроумцы называют его Нью-Васюками. Но как бы ни говорили, а шахматную олимпиаду мы провели. Город останется навсегда.

Был указ президента о приближении калмыцкой орфографии к живому современному языку. Ученые сейчас над этим работают, спорят. Это все делается для развития своего языка, своей культуры.

Если же говорить о материальных проблемах, то живут у нас не хуже, чем в каком-нибудь другом регионе.

— Знакомы ли вы с нынешними московскими делами, бываете ли в белокаменной?

— Я знаком с вашим Лужковым. Мы с ним познакомились в 1994 году, когда по его инициативе в Колонном зале было проведено мероприятие в связи со столетием Хрущева. Я выступал с докладом. А потом общался с Лужковым во время приема. И он говорил о том, что надо в Москве назвать улицу именем Никиты Сергеевича.

> Многих удивляет, почему ставят памятники, когда все голодают. Дело в том, что калмыки к голоду привыкли, а памятников они не видели — своих собственных. Поэтому и ставят их с радостью.

— К Хрущеву люди относятся неоднозначно.

— Да это чувствовалось и на его столетии. Говорили, отдавая должное его заслугам по развенчанию Сталина. Но при этом оговаривались, мол, надо отметить, что он был секретарем ЦК Украины, и 37-й год не обошелся без его участия. Когда очередь дошла до меня, то я сказал: «Послушайте, а почему же вы отмечаете его юбилей? Не за то же, что он был такой, как все здесь собравшиеся. Конечно, он подписывал политические документы. Но неужели кто-нибудь из нас может сказать, что, будучи на месте Хрущева в 37-м, так не делал бы. Но кто-нибудь может сказать: я переломил хребет сталинщине?». Вот чем он нам интересен! Эта мысль понравилась Лужкову.

— А другие московские политики, как вы на них смотрите?

— Я уже сказал: «И сие пройдет». Когда я смотрю на нынешних людей, меня огорчает не отсутствие знаний, а отсутствие стремления к знаниям. Это же величайшее богатство! Страшно видеть, как страна на глазах опускается. Тютчев прекрасно написал:

Напрасен труд — нет,
их не вразумишь, —
Чем либеральней,
тем они пошлее,
Цивилизация — для них фетиш,
Но не доступна им ее идея.

Как перед ней ни гнитесь,
господа,
Вам не снискать признанья
от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

— Да, но он же написал и другое:

Печати русской доброхоты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее — но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

Что свидетельствует о том, что Тютчев не был ярым антизападником. Как видим, его раздражали и славянофилы.

— Да, конечно, если народы, которые отстали в своем развитии на века, окажутся рядом с народом, имеющим высокую культуру, то этим народам от этого будет большая польза. Не надо будет проходить трудный путь, а можно получить знания от людей с более высокой цивилизацией сразу. Если, конечно, люди не взорвут себя атомной бомбой, если выживут, то, думаю, будет очень хорошо. Я почти в этом уверен.

Мы знаем, как можно отличить хорошее от дурного. И мы знаем степень своего незнания — а это великое знание. Очень важно знать пространство своего незнания, чтобы знать, к чему надо стремиться.

— Как отличить хорошее от дурного?

— У нас очень хорошие учителя. Начиная с Гомера, Навои, Шекспира... Гегель очень хорошо сказал, что король Лир стал познавать, каковы люди в состоянии безумия. Огромная школа развития человечества... Вольф Мессинг удивлялся тому, как люди могут из числа, состоящего из 42 цифр, извлекать корень 29-й степени быстрее компьютера. Был такой француз. Причем этот француз сам не знал, как это у него получается. Ведь человек очень сложен.

Вот смотрите, англичане вырастили лягушку из клетки кишечника. Потом наша Никитина вывела лягушку из клетки глаза. А совсем недавно клонировали овечку Долли. Оказывается, клетка помнит, что и когда надо делать. Какие песни петь весной лягушке... Так что, я думаю, тот человек, который не понимает, как он извлекает корень, подключает к работе все свои клетки.

Предела нашим познаниям быть не может. Например, если бы мы говорили сейчас в микрофон, то наш разговор можно было бы передать на Луну. Но хоть у нас микрофона и нет, это не значит, что наш разговор до Луны не долетает. И мы, может быть, научимся улавливать все без микрофона. Предела человеку нет. Человек — это прекрасное существо. Бог, если он, конечно, есть, придумал человека гениально.

— Сейчас все говорят о проблемах, которые могут возникнуть в связи с переходом в III тысячелетие. Что вы об этом думаете?

— Это у нас такое летосчисление, а у других народов другое, и у них идет совсем другой год. Ничего не изменится. Есть вечность, в которой мы живем. Эта вечность имеет свои собственные законы, которые мы должны постигать. У меня есть знакомый, он директор института элементарных частиц, академик Исаак Маркович Халатников. Он учился у Ландау. Он мне рассказывал о тайнах микромира. Это удивительный мир. Американские физики открыли формулу закона несохранения комбинированной четности в физике элементарных частиц. Их открытие не имеет пока что утилитарного значения. Но они получили Нобелевскую премию. И вот что будет, когда человек выйдет за пределы скорости света и попадет в другие измерения по Эйнштейну. Будут лететь навстречу друг другу два корабля. И надо будет определить, откуда эти корабли — из мира вещества или из мира антивещества. И это можно определить при помощи этого закона. Если выясняют, что из мира антивещества, тогда корабли быстрей разбегаются, чтобы не произошел взрыв и люди не погибли. А если из мира вещества, то приближаются к величайшей радости — наконец-то земляков встретили.

Но для этого надо знать законы мира антивещества, знать, что это такое. В прошлом году было сообщение о том, что в Швейцарии научная группа под руководством знаменитого физика Вальтера создала 9 штук атомов антивещества. Но работы прекратили, потому что это чрезвычайно дорого стоит. Но если бы продолжили работу, то миллиграмма антивещества было бы достаточно для того, чтобы на корабле достичь самой далекой планеты нашей Вселенной и вернуться обратно.

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Спорт в Калмыкии сегодня ассоциируется исключительно с «Ураланом». Президент не жалеет средств на покупку игроков, обеспечивающих присутствие республики в высшей российской лиге. Это укладывается в философию Кирсана: Калмыкия должна звучать. Независимо от того, кто играет за нее — грузин, украинец, русский или калмык.

Но спорт в Калмыкии начинался, конечно, не с Кирсана. Когда будущий президент ходил под стол пешком, Элиста гремела как мотобольная столица. Все, кого память не подводит, могут вспомнить: 70-е, Элиста — обладательница Кубка Европы, чемпион страны. А в этом году команда объявлена банкротом, она уже не участвует даже в российском чемпионате. Как от Олимпа дошла Калмыкия до такой грусти? С таким жестоким вопросом мы пришли к человеку-легенде, вратарю элистинской команды, семикратному чемпиону СССР, заслуженному мастеру спорта Николаю Белявцеву, который на днях отмечает свой «полтинник».

— Николай Сергеевич, сколько лет вы стояли в воротах?

— Двадцать лет. С 1967 по 1986 годы.

— Потрясающее спортивное долголетие. А сколько лет просуществовала команда?

— «Комету» — так команда называлась вначале — создал в 1964 году Кондратенко. И в первый же год она стала чемпионом страны.

— Это довольно странно. Понятно — Ковров. Там завод Дегтярева, знаменитый танками, автоматами и мотоциклами. Там каждый пацан на «Восходе» жужжит по городу. Но Элиста, которая ассоциируется разве что с сайгаками да овцами... Кстати, уж извините мои географические познания, — когда я начал следить за мотоболом, был в полной уверенности, что Элиста — это какая-то Прибалтика.

— Ковров, Видное ваше — это все было потом, в середине семидесятых. Мотобол начинался на юге. Приходили в эту игру из мотокросса. У нас тут был такой Чавычало Борис Самойлович, председатель городского ДОСААФ. Рядышком, в Кропоткине, блистал кроссовик Кондратенко. Прослышал он как-то, что во Франции очень популярен мотобол. Съездил, посмотрел, а потом — к нам, в Элисту. На футбольном поле баскетбольным мячом на кроссовых мотоциклах показал, что за игра. Борис Самойлович загорелся, пригласил Кондратенко с командой сюда. Так все и началось, и уже в первый год мы стали чемпионами страны. Семидесятые — это расцвет мотобола в стране. В Ставрополье были две лиги, на Украине — три. А в конце 70-х определилась четверка лидеров: Видное, Ковров, Элиста, Полтава. Конкуренция была жесткая.

— Сколько человек поставляла в сборную Элиста?

— Лет десять мы были базовой командой для сборной. Прибалтика приезжает к нам — 10:0 выигрываем, выезжаем к ним — ничья, только мы могли им противостоять, остальные стабильно проигрывали. В еврокубках то первое, то второе место занимали. В финал с нами выходили попеременно французы и немцы. Опять же первыми в стране мы, пять человек из Элисты, получили звания заслуженных мастеров спорта по мотоболу.

— Как Калмыкия относилась к вашим успехам?

— На руках носили. Когда первым секретарем в республике был Городовиков, относился к команде, как к своему детищу. Каждого в лицо знал. Как сейчас Кирсан футболистов.

— Когда мотобол пошел на спад в Элисте?

— В начале перестройки, если помните, пошла критика в газетах «подснежников». Постарались и элистинские журналисты. Команда тогда называлась «Автомобилист». Она была под опекой Российского транспортного управления. «Икарус» нам выделяли, технику. Игроки в автохозяйствах слесарями числились. Обычное для того времени дело. Написали только про нас, хотя футболисты, в отличие от нас, по три зарплаты получали. Начался распад, к тому времени Городовиков ушел. С тренером у меня были проблемы, не ставил на игры. Из-за этого и в сборную не попадал. В 85-м последний раз Кубок Европы получил, а уже в следующем году закончил играть. Работал тренером во второй команде, хотел растить молодых, но главному тренеру это было неинтересно. Я не смог ничего доказать. А вскоре и зарплату команде перестали платить. ДОСААФ отказался, город тоже... Хотя деньги небольшие, если сравнивать с футболом. Платили бы по полторы тысячи рублей — команда была бы.

— Когда команду объявили банкротом?

— В прошлом году половину чемпионата отыграли. Домашние игры провели, а на выезды средств не было. Я вторым тренером работал, финансовыми делами занимался главный тренер Бадмаев. Мое дело было проводить тренировки, готовить команду.

— Назовите знаменитостей команды.

— Те пять человек, которые получили змс, — Кравцов, Онищенко, Кузыченко, Резников и я... Элиста нас еще не забыла. Хотя почему-то технические виды спорта не пользуются сейчас популярностью. Говорят, дорогие виды спорта. Ничего подобного! В 1994 году Илюмжинов купил мотоциклы, так до 96-го только свечи меняли. Английские мотоциклы. Ковровцы играют на своих. Они сейчас хороший сделали мотоцикл на базе кроссового. Хотя у них тоже завод стоит.

— Насколько можно понять, в первые годы своего президентства Кирсан уделял внимание команде?

— В первые годы — да. Потом вышел на новую орбиту — президентом ФИДЕ стал, дивидендов от мотобола таких нет.

— Но ведь команда стотысячного города была обладателем Кубка Европы. Это разве не престижно?

— Мы проводили в 71-м году в Элисте Кубок Европы. До этого Калмыкия зарубежных гостей не знала фактически. Ну а в том, что команда скончалась, виноваты, наверное, и мы. Кирсан дал нам в 96-м шанс. Надо было стать чемпионами. И мы шли с отрывом в семь очков. Попали в финальную пульку. Но зарплату не платили, и команда забастовала. По сути, не играли. Хотя я призывал: играйте, может, решится проблема. Не захотели. Тренировки не могли проводить. Правда, в Элисте все знакомые. Директор АЗС помогал, выделял бензин. Литров сто даст — тренируемся... Вина и тренера Бадмаева была — не командой занимался, а своими удовольствиями.

Двадцать лет спустя

Звездный час Белявчева (слева)

— Не дико ли — команда, занимающая первые-вторые места в чемпионате России, становится банкротом?

— Да, но, видимо, надо было какой-нибудь коммерцией заниматься. Но Бадмаеву до этого дела не было. «Икарус» взяли и продали... Сколько нам нужно денег? Команда — человек десять. Плюс 4—5 — начальство и обслуживание. Не такие уж затраты. Знаменитости наши ушли кто куда. Богданов — в картинг-клубе, который существует. Именно существует. Зарплаты нет, родители детей скидываются на бензин. На заправке работает бывший наш начальник команды, дает иногда бензин. Грустно это все. Я надеялся, что руководство республики обратит на это внимание. Не обратило. Ходил по инстанциям Резников. До президента не дошел. Бесполезно. Сейчас все внимание на футбол.

— А чем вы теперь занимаетесь?

— В частной фирме работаю. Машины из Нижнего Новгорода гоняем. Есть еще проекты. Но все упирается в деньги.

— Вас в Элисте не забыли, не жалеют, что потеряли такую команду?

— Вы знаете, даже в руководстве республики многие жалеют... Сейчас Бадмаев смету пишет на команду — 2 миллиона просит. Но в принципе в миллион можно спокойно уложиться.

— То есть окончательно не махнули рукой на мотобол?

— В руководстве республики говорят: нам легче развалить и заново построить. Я так не думаю. Хотя все решают деньги. Выделят — за неделю можно из Германии привезти мотоциклы, игроков собрать — они здесь есть. Возродить команду можно.

— Есть кому возрождать?

— Все кадры остались же. Я десять лет работал вторым тренером. Есть Онищенко. Кравцов не хочет, он коммерцией занялся. Резников и Онищенко таксуют на своих машинах. Кузыченко без работы. Ну и я перебиваюсь. Здорово никто не устроен. Ну страна дает 236 рублей за змс.

Встречаемся по субботам у Онищенко, у него частный дом, зимой баньку натопим, предаемся воспоминаниям. Конечно, если говорить о руководстве республики, думаю, что оно неправильно поступило. Президент, скорее всего, выслушал только то, что говорят про Бадмаева, про его грехи. Но была же команда, были традиции. Надо же было с нами встретиться, поговорить. Много нам не надо, по 300 тысяч хоть в квартал. И мы спокойно бы работали.

— Да, жаль команду.

— Жаль. Я, честно говоря, надеялся, что как-нибудь придут ко мне и скажут: давай, Николай Сергеевич, займись командой. Не пришли. А мне идти неловко, скажут, поругались с Бадмаевым, теперь пытаются отобрать друг у друга хлеб.

Единственное утешение — ежегодные турниры ветеранов в Коврове. Федерация мотоспорта Коврова проводит. Они там прекрасные призы дают. В этом году уже не поедем. Мотоциклов нет. Я с 16 лет я в мотоболе. Это целая жизнь. После таких вот воспоминаний ночь не спишь. Но жалеть не о чем. С мотоболом связаны лучшие годы. Надеюсь ли на что-то?

Я говорю в шутку: одного запасного футболиста увольте из «Уралана» — сэкономленных средств хватит на всю мотобольную команду. Напишите — пусть читают, может, что-то сдвинется. Нелюбимым ведь делом занялся на старости лет — коммерцией.

НА СЛУХ

В Элисте говорят, что...

...недавно в Москве прошли разборки между сторонниками бывшего премьер-министра Калмыкии В. Батурина и президента К. Илюмжинова из-за невозвращения последним денег, затраченных на строительство Сити-Чесс. По сведениям радиопрограммы «Сорока на хвосте принесла», пострадавшей оказалась президентская сторона.

...генеральный прокурор России сразу после скандала с показом видеоматериалов о его времяпрепровождении с девочками некоторое время скрывался в представительстве Калмыкии в Москве.

...во время военного конфликта в Чечне по распоряжению калмыцких властей в мятежную республику было направлено несколько отар овец в дар генералу Дудаеву.

«Уралан», который запрягает долго...

Николай Шовгуров

Вроде как для южной республики, где весна наступает гораздо раньше, чем российский футбольный чемпионат, сам бог велел иметь стадионы, пригодные для стартовых матчей. Зачастую и график чемпионата строится так, чтобы первые игры прошли на южных полях. Элистинский же стадион «Уралан» вошел в чемпионат с напрочь перекопанной «поляной». И первые игры состоятся здесь в лучшем случае в середине мая. Что стряслось? За ответом я отправился ко второму по степени общественного внимания президенту в Калмыкии, а именно президенту республиканского футбольного клуба «Уралан» **Николаю ШОВГУРОВУ**. Застать его на стадионе можно, а вот попробовать задержать хотя бы на десять-пятнадцать минут весьма сложно: сейчас в его хозяйстве дым коромыслом, игры команды начались, строительство на стадионе издали напоминает муравейник, а какая проблема ни возникни — все упирается в Шовгурова. Наконец застал его в кабинете. Заканчивался телефонный разговор с администратором команды: «... и саботажа никакого нет? Ты им передай — саботажников будем вешать! «Спартака» не боятся? Это хорошо. И напомни — если хотят получать премиальные, пускай себя не жалеют». Наконец настало время и нашего разговора.

— По поводу неготовности стадиона к сезону в городе разное говорят — мол, кто-то неплохо погрел руки... Есть версия, что дренаж рассчитали без учета высоких подпочвенных вод и именно это погубило газон. Вы-то что на этот счет скажете?

— Когда «Уралан» вошел два года назад в высшую лигу, ясно было, что стадион придется реконструировать. Подрядчиком была волгоградская фирма «Интранс». Работы выполнялись в межсезонье 1997—1998 годов, и прошлый сезон наша команда принимала гостей на полностью обновленном стадионе. Но качество газона было действительно никудышным (последние матчи — а это были игры с «Зенитом», московским «Динамо») — пыль на стадионе стояла столбом. На вопрос «кто виноват?» ищет ответ специальная комиссия с участием органов внутренних дел. Но делать с газоном все равно что-то необходимо. Я, посоветовавшись с Илюмжиновым и заручившись его поддержкой, принял решение сделать газон своими силами. Долго искал технолога, наконец нашел лучшего, на мой взгляд. Это 72-летний Николай Мыльников, работающий на симферопольском стадионе «Таврия». Вот под его руководством местные строители и ведут полную замену сложнейшего «пирога», верхним слоем которого является газон.

— Вы тут даже местным телевизионщикам запрещаете вести съемки... Храните в тайне какие-то ноу-хау?

— Просто не хочу, чтобы посторонние видели стадион в таком неприглядном виде.

— И когда у нового газона премьера?

— Как трава будет расти. Может быть, 9 мая, может — 22-го. Я бы с удовольствием весь первый круг поберег новый газон, чтобы потом служил много лет. Но так, к сожалению, не получится — элистинцы соскучились по матчам на своем стадионе, а игнорировать болельщиков нельзя. К концу мая мы закончим строительство тренировочных полей, тогда у «Уралана» и тренировочная база будет дома...

— А сейчас где?

— В Кисловодске.

— Говорят о каких-то сумасшедших деньгах, которые республика тратит на футбольную команду. Неужели приезжие варяги могут быть так же любимы жителями Калмыкии, как в свое время игроки элистинской мотобольной команды? Те, говорят, как родные были, свои ведь...

— Многие из той мотобольной команды тоже были приезжими. Но осели здесь, прижились, стали своими. А игроков любят не за то, что свой, а за то, что встал под знамя «Уралана». Мы не хотим повторять печальный опыт прошлого года, когда практически вся команда решила больше за Элисту не выступать. Я настоял, чтобы в этом сезоне контракты у игроков были двухгодичные. Республика безвозмездно предоставила клубу жилье для игроков, для семейных — отдельные коттеджи. И не где-нибудь, а в Сити-Чесс. Работает футбольный интернат, в котором тренируются мальчишки не только из Калмыкии, но и из Ростовской, Волгоградской областей, Ставрополья. Но чтобы воспитать свое поколение игроков, их необходимо увлечь. Нужны игры на высоком уровне, победы, традиции, так что приглашение игроков со стороны и нормально, и необходимо. Да и где сейчас иначе? Разве что в Москву игроки едут охотнее, поскольку и условия лучше, и перспектив больше.

— А разговоры, что «Уралан» стал фарм-клубом киевского «Динамо», на чем основаны?

— Просто мы заключили с киевлянами договор о сотрудничестве. Согласитесь, «Динамо» — одна из лучших футбольных школ, у них есть, чему поучиться.

— Сезон в высшей лиге принес вам много неприятных открытий?

— На эту тему не принято распространяться, но я убедился — далеко не все результаты матчей определяются игрой футболистов. Единственное, за себя я могу твердо ручаться — поскольку я здесь родился, здесь вырос и здесь мне умирать, свой народ я никогда обманывать не буду.

Учредители: Союз журналистов РФ, Г. В. Юдин

Газета зарегистрирована в Комитете Российской Федерации по печати 7 июля 1998 года. Регистрационный номер 01437.

Отпечатана на государственном предприятии — Ставропольская краевая типография Комитета по печати правительства СК (г. Ставрополь, ул. Артема, 18).
Объем 2 п. л. Заказ 727. Тираж 4000.

НАШ АДРЕС: 358000, г. Элиста, ул. Очирова, 29

Индекс 51690
В розницу цена свободная

И. о. редактора Г. В. Юдин